

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОЧ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Шуламит ШАЛИТ

Веками еврейская песня пребывала в потемках. Мать тихонечко пела ребенку грустную колыбельную песню, портняжка сетовал, что почти не находит ушка своей иголки, а сапожник выводил жалобный напев, как сидит он в своем подвале, не видя вообще белого света... Откуда возникла мелодия, кто сочинил слова? Казалось, их знали всегда, они передавались из поколения в поколение, но не записывались. Мы же по рассказам, по литературе помним, что даже среди лучших клезмеров редко кто знал ноты... Слова песни мог записать и ребенок - азбуке и чтению обучали с трех лет, а в пять уже учили Тору, но молиться можно ведь, и не читая нот, не так ли?..

Йоэль Энгель (16.04.1868, Бердянск - 12.02.1927, Тель-Авив), а в России - Юлий Дмитриевич Энгель, музыковед, композитор, музыкальный критик, фольклорист, педагог, тончайший знаток русской и мировой музыки, был тем, кто в конце XIX и первой четверти XX веков "сменил профиль", сам он называет это "поворотом к истокам национального существования", начав одним из первых профессиональных и широко известных музыкантов систематически собирать, записывать, изучать, обрабатывать и распространять народные песни на идише... Издал три тома этих песен, выступал с лекциями, концертами.

Родился Йоэль Энгель на берегу Азовского моря, в знаменитом городе Бердянске, 16 апреля 1868 года, 150 лет назад. Он был младшим в многодетной и бедной семье. Отца его звали Менахем-Мендл. И это он дал младшему сыну звучное имя Йоэль. Йоэль Энгель - ни одного шипящего звука, как трель или капель... Мелодичность имени - не таился ли в ней тайный знак, что музыка его истинное призвание?..

Сначала надо было все-таки иметь надежную профессию, и Энгель поступил в Харьковский университет и окончил его, став юристом. А спустя еще два года Энгель получает второй диплом - по классу фортепиано Харьковского музыкального училища. Русская и европейская музыка, как и литература, на многие годы вытесняет если не в его душе, то в творческой, да и повседневной жизни все еврейское.

Как он стал из Йоэля Юлием - понятно, а почему именно "Дмитриевичем"? Иногда пишут, что его отца звали "Давид", но это ошибка. Сам Менахем-Мендл в интересах "бизнеса", а был он подрядчик и торговец мясом,

СЮИТА ЖИЗНИ ЙОЭЛЯ ЭНГЕЛЯ

Йоэль Энгель

по-русски назывался Дмитрий Ильич Энгель. С благозвучным именем на Руси все-таки полечче...

А дома отец продолжал играть себе на гитаре еврейские мелодии и петь еврейские песни, на которые душа и мысли сына отзовутся-откликнутся, вместе с языком идиш, намного позже. К занятиям музыкой отец его специально не поощрял, но видел при этом, что Йоэль запоем читает книги, и, кажется, не

удивился, когда после окончания гимназии тот сообщил, что уезжает... Кстати, в бытовой жизни только при поступлении в гимназию он воспользовался помощью отца один раз, потом зарабатывал на себя сам, в том числе и на музыкальное образование. Много читая, Йоэль знал, что за пределами и дома, и города есть большой, необъятный мир. Но вот ведь парадокс: надышавшись духом других ветров, он будет снова и снова возвращаться

в родные места. Собирать народные еврейские песни начнет именно с отца, немало того удивив, однако до самой душевной потребности "идти в народ" за песнями еще надо было дожить...

Послушаем самого Энгеля: "В детстве если мне и пришлось слышать некоторые прекрасные еврейские напевы, то главным образом только в инструментальном исполнении отца... Да и вообще, в том городе Таврической губернии, где я вырос, строго патриархальной еврейской руки почти не было, или, по крайней мере, я ее не видел. Я даже никогда не говорил в детстве на еврейском языке, ни в семье, ни вне ее, - хотя, слыша язык вокруг себя, понимал его" (Ю.Д.Энгель. Еврейская народная песня. Этнографическая поездка).

Неизвестно, на сколько времени растянулось бы его самоопределение, но помог случай, счастливейший и все определивший. В марте 1893 года в Харьков приехал Петр Ильич Чайковский, и Йоэль Энгель, ему 25 лет, был представлен великому композитору. Чайковский высоко оценил одаренность молодого человека и его желание посвятить всего себя музыке, настолько был очарован, что тут же написал рекомендательное письмо тогдашнему директору Московской консерватории (позже - имени П.И.Чайковского) - Василию Сафонову: "Дорогой Василий Ильич!.. Я имел случай в Харькове познакомиться с ним (то есть с Энгелем. - Ш.Ш.), его прекрасными способностями к музыке. Рекомендую..."

Так Энгель снова засел за учебу, на сей раз в Москве. Его учителями стали А. Аренский, М.Ипполитов-Иванов и Сергей Иванович Танеев, к которому он особенно привязался, и творчески, и по-человечески, и о котором напишет впоследствии одну из первых биографий.

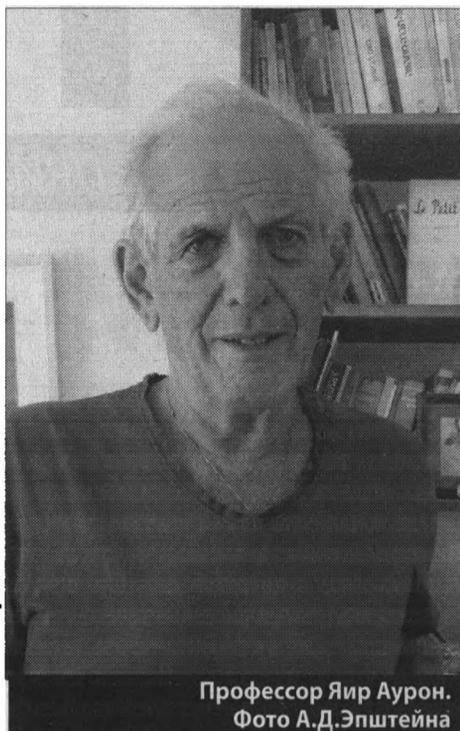
Энгель пошел по стопам Танеева, стал не только композитором, но и теоретиком музыки. Впрочем, писать о музыке он начал, еще будучи студентом, не только по любви, но и по необходимости - чтобы зарабатывать на хлеб и на учебу, однако очень скоро заявил о себе как серьезный критик. Довольно подробные биографии Энгеля, две на иврите - музыковедов и педагогов Менаше Равины (Рабинович, 1899-1968) и Моше Бронзафта (1910-1996) и две на русском - театроведа Эдуарда Капитайкина (1937-1992) и Якова Сорокера, скрипача и музыковеда (1920-1995), написаны были с любовью и дополняя

ПРАВЕДНИКИ, А НЕ НАЦИОНАЛИСТЫ: КОГО ПРИЗНАЕТ, А КОГО НЕ ПРИЗНАЕТ ГЕРОЕМ "ЯД ВА-ШЕМ"

Профессор Яир АУРОН

**"Иди ко мне детка, мы с тобой
одной крови: мы ведь люди!"**

Абдурахман Охтов,
один из спасителей детей из блокадного
Ленинграда в ауле Бесленей

Профессор Яир Аурон.
Фото А.Д.Эпштейна

19 августа 1953 года Кнессетом был утвержден Закон о памяти о Холокосте и героизме и создании Мемориального центра "Яд ва-Шем". Этот Закон также упоминал людей, спасавших евреев в годы Холокоста, дававших им убежище и поддержку, охарактеризовав их как "праведников народов мира". В соответствии со сформулированными в Законе критериями, для того чтобы удостоиться этого звания, человек должен был "для спасения еврея riskовать своей жизнью, безопасностью или личной свободой, не преследуя при этом материальной выгоды".

Таким образом, принятое определение "праведника" требует соответствия кандидатов пяти взаимодополняющим критериям. Во-первых, необходимо, чтобы они проявили инициативу по спасению; во-вторых, должна быть причинно-следственная связь между их действиями и тем, что подвергавшемуся преследованию человеку или нескольким людям удалось спастись. В-третьих, необходимо стремление спасти именно евреев; хотя жертвами нацистского геноцида были также цыгане, гомосексуалисты, "свидетели Иеговы", пацифисты и коммунисты, израильский Закон касается исключительно одной, пусть и самой многочисленной, но отнюдь не единственной группы жертв. В-четвертых, необходимо, чтобы деятельность по спасению носила бескорыстный характер. И, наконец, в-пятых, усилия по спасению должны быть сопряжены с риском для жизни и здоровья спасателя, либо, как минимум, угрожать его статусу и материальному благополучию.

Хотя решение о присвоении отдельным людям звания "праведников народов мира" было принято в 1953 году, Комиссия по присуждению этого звания была создана только спустя девять лет, в 1962 году. Первым главой Комиссии был уроженец прусского города Данциг (Гданьск, ныне находящийся на территории Польши) судья Моше Ландой (1912-2011), позднее ставший главой Верховного суда Израиля. Моше Ландой оставался председателем этой Комиссии до 1970 года, после чего его сменил дру-

гой судья, Моше Бейский (1921-2007), возглавлявший ее на протяжении четверти века, до 1995 года. Сам Моше Бейский, уроженец польского городка Дзялошице, в годы Холокоста находился в концентрационном лагере в Плашове, откуда был спасен Оскаром Шиндлером (1908-1974). Фактически именно Моше Бейский сформулировал те критерии, которыми Комиссия по присуждению звания "праведник народов мира" руководствуется и поныне.

М.Бейский отмечал, что, согласно сформулированному в Законе о "Яд ва-Шеме" определению праведником может быть признан только отдельный человек, движимый морально-нравственными соображениями (а не какая-либо организация или общность); праведником может быть признан только тот, кто жил и действовал в местах, где евреи подвергались преследованиям и где существовала непосредственная угроза их жизни. При этом Закон не включал в себя какие-либо качественные или количественные характеристики относительно масштабов помощи преследуемым евреям и числа людей, которым эта помощь предоставлялась. Можно добавить, что ничего не говорилось и о продолжительности предоставления этой помощи и ее итоговых результатах: люди могли, рискуя своей жизнью и благополучием, на протяжении достаточно длительного времени предоставлять преследуемым евреям кров, однако, несмотря на все эти усилия, нацисты все же могли их обнаружить и уничто-

жить. В Законе не рассматривался вопрос о том, должны ли предпринимавшиеся усилия по спасению евреев в обязательном порядке завершиться тем, что им удавалось пережить Холокост, либо же под определение праведников могли попасть и люди, благодаря подвижническим усилиям которых преследуемым евреям получалось продлить жизнь на месяцы и годы, но, в конечном итоге, их все же не удавалось спасти по не зависевшим от этих людей причинам.

Важно понимать, что личность и взгляды самого председателя Комиссии оказывали существенное влияние на принимаемые ею решения. Показательна в этой связи судьба Оскара Шиндлера, которому лично Моше Бейский был обязан жизнью. В 1962 году, при рассмотрении кандидатуры О.Шиндлера на присвоение звания "праведника народов мира", живший тогда в Израиле переживший Холокост Юлиус Вайнер обвинил О.Шиндлера в том, что 15 октября 1939 года тот явился в Кракове на фабрику его отца Шломо Вайнера, угрожая пистолетом, вынул из кассы все деньги и заставил Шломо подписать документ о передаче фабрики О.Шиндлеру. Впоследствии О.Шиндлер якобы специально подстроил недостачу, чтобы обвинить Юлиуса Вайнера, приказав его избить, после чего уволил. Учитывалось и то, что 1 ноября 1938 года О.Шиндлер подал заявление на вступление в национал-социалистическую партию. В результате этого Комиссия во главе с Моше Ландоем отказалась присвоить Оскару Шиндлеру звание "праведника народов мира", ибо настаивала, что он спасал евреев преимущественно ради денег, так как евреи в очень тяжелых условиях работали на его фабрике в Плашове, под Краковом, получая заработную плату несравнимо более низкую, чем рабочие-поляки. Однако в июне 1993 года, за считанные месяцы до выхода быстро ставшего знаменитым фильма Стивена Спилберга, Оскару Шиндлеру и его жене Эмилии (1907-2001) все же было присвоено звание "праведников народов мира"; самого О.Шиндлера к тому времени уже восемнадцать лет не было в живых. Едва ли дело было в каких-либо новых исторических обстоятельствах, не бывших известным судьбе М.Ландою; речь очевидным образом шла об изменении подхода к данной проблеме и личном отношении М.Бейского, чувствовавшего необходимость отметить человека, которому он был обязан своей жизнью. Укажем, что критерии самого Закона о "Яд ва-Ше-

ме" в отношении "праведников народов мира" все это время оставались неизменными.

При этом для того, чтобы быть причисленным к категории "праведников", достаточно было спасти одного человека; данный количественный критерий не был прописан в Законе, и поскольку в нем на этот счет не говорилось ничего конкретного, то нормой стал подход, сформулированный Комиссией, которой последовательно руководили судьи М.Ландой и М.Бейский. Следует указать, что в сформулированном подходе не акцентируется внимание на том, каковы были мотивы и намерения спасателей; единственным ограничением, не позволяющим претендовать на звание "праведника", является соображение материальной выгоды. Никакие другие причины в качестве факторов, препятствующих присуждению этого звания, не назывались. Кроме того - и случай Оскара Шиндлера является самым ярким тому примером - люди, спасшие одних, могли быть равнодушными и даже жестокими по отношению к другим, однако Закон не устанавливал никаких критериев подобного рода: претендент на звание "праведника" не должен был являться добрым или чутким человеком, демонстрировавшим чудеса благородства на протяжении всей своей жизни: достаточно было, чтобы он спасал хотя бы одного еврея, которому грозила смертельная опасность, и делал это бескорыстно, без какой-либо материальной заинтересованности.

Однако этим проблемы не ограничиваются.

Во-первых, огромное число достойных людей не получили - и не получают - заслуженное признание, ибо не могут предоставить удовлетворительных документов, не сохранившихся в условиях военного времени и за десятки лет, прошедших с тех пор. В последние годы я дважды побывал в черкесском ауле Бесленей, где в 1942 году были спасены более тридцати детей, чудом полуживыми добравшиеся из блокадного Ленинграда; среди них было немало евреев, в частности, Марк Кролик, Николай Вейнер, Вадим Шахтман, Семен Подкопаев и некоторые другие. На протяжении пяти месяцев аул был оккупирован нацистами, прицельно искавшими евреев, однако ни один спрятавшийся в домах черкесов ребенок не был выдан, все они выжили. Для того чтобы это стало возможным, все дети были записаны в колхозных ведомостях под черкесскими именами и под фамилиями приемных ро-

дителей; настоящие фамилии многих спасенных тогда детей (из которых в живых сегодня остались всего три человека) установить сегодня просто невозможно, и уж тем более нет их метрик с указанием "пятого пункта". Но кем еще могли быть Марк Кролик, Николай Вейнер и Вадим Шахтман?! Руководствуясь сугубо формальными бюрократическими критериями, "Яд ва-Шем" лишает подлинных праведников из аула Бесленей того признания, которое полагается им по праву! Я выступал в кнессете, рассказывал об этом депутатам - и рассчитываю на их участие с целью изменения ситуации.

Во-вторых, звание "праведника народов мира" не может быть присуждено евреям: почему-то именно в Израиле евреи оказались перед лицом странной дискриминации подобного рода. В ответ на вопрос, почему еврей, даже спасавший других евреев, не может быть удостоен звания "праведника", приходится слышать, что, исходя из традиций еврейской взаимопомощи, естественно, что люди будут помогать своим соплеменникам, и поскольку этот поступок настолько естественный, то он не может быть отмечен как нечто исключительное. Сама эта предпосылка, однако, отнюдь не очевидна: история полна примеров того, как в ходе погромов, преследований и депортаций одни евреи проявляли тотальное равнодушие к судьбам других. В этом евреи мало чем отличались от других народов, сыны и дочери которых в трагические моменты национальной истории нередко думали исключительно о себе и своих самых ближайших родственниках, не выказывая интереса к судьбам остальных и не стремясь помочь им. Поэтому предпосылка, согласно которой помощь одним евреям другим в период Холокоста была самой собой разумеющейся и потому не заслуживаемой быть отмеченной, представляется ошибочной.

Нужно помнить, что и в годы Холокоста были отдельные евреи, которым как-то

удавалось избежать депортаций и гибели, и, в отдельных случаях, они помогали и другим евреям, которым грозила смертельная опасность; порой они спасали и неевреев, подвергавшихся преследованиям со стороны нацистов. На сегодняшний день "Яд ва-Шем" никак не занимается изучением судеб этих людей.

Наиболее ярким примером дикой несправедливости подобного рода является случай с Николасом Уинтоном (1909-2015), организовавшего спасение 669 детей, преимущественно еврейского происхождения, которые смогли добраться из Чехословакии в Великобританию. Человек, получивший награду "Гордость Британии" и высший знак государственного признания Чехии - "Орден Белого Льва", не был признан "праведником народов мира" Комиссией "Яд ва-Шема" именно из-за своего еврейского происхождения (он родился в семье немецких евреев, иммигрировавших в Великобританию за два года до его рождения). Подобная "селекция праведников" по национальному признаку представляется совершенно абсурдной и неприемлемой; к тому же уместно спросить, коль скоро еврейская взаимовыручка есть явление якобы повсеместно распространенное, почему случай Николаса Уинтона был и остался единственным в своем роде?!

Вспомним о подлинной героине антинацистского сопротивления Лизе Фиттко (урожденной Элизабет Экштейн, 1909-1995). Она родилась в Ужгороде (тогда этот город находился в Австро-Венгрии, в настоящее время - на территории Украины) в еврейской семье. Во время Второй мировой войны Лиза Фиттко оказывала помощь многим беженцам, преимущественно евреям, но отнюдь не только им, спасавшимся бегством из оккупированной нацистами территории Франции. Антифашистскую деятельность она вела в самых разных странах Европы: в Берлине, Праге (где она познакомилась с Гансом Фиттко - соратником, ставшим ее

мужем), Цюрихе, Амстердаме, Париже, Марселе и, наконец, в Пиренеях, где в 1940-1941 годах сопровождала беженцев на пути в Испанию. Находившийся в Марселе американский журналист Вариан Фрай (1907-1967) создал сеть по спасению людей, которым под нацистской пятой грозила смертельная опасность, и Лиза Фиттко стала одной из наиболее значимых ее активисток. Они с мужем сами стремились добраться до Португалии, чтобы сесть на паром и уехать в США, однако остались в приграничном городке Баниель-сюр-Мер во Франции, чтобы помочь как можно большому числу беженцев при совершающемся под покровом темноты тайном пересечении ими границы. Выбранный Лизой маршрут, по которому беженцы переправлялись в Испанию, стал альтернативой контролируемому фашистами приморскому пути в каталонский город Портбоу на территории Испании. Лиза Фиттко и ее муж помогли спастись многим десяткам людей, среди которых были писатели Лион Фейхтвангер, Голо Манн, Франц Верфель и его супруга Альма Малер-Верфель и другие, евреи и неевреи, прежде чем в 1941 году бежали из охваченной войной Европы на Кубу, откуда позднее эмигрировали в США. Опубликованные в первой половине 1990-х годов книги сделали Лизу Фиттко достаточно широко известной, однако в то время как Вариан Фрай и Ганс Фиттко, соответственно, в 1996 и 2000 годах, пусть и посмертно, были удостоены звания "праведников народов мира", Лиза Фиттко такого признания не получила: Комиссия в "Яд ва-Шеме" не рассматривала ее кандидатуру, потому что она была еврейкой, а раз так, критериям присвоения этого звания не соответствует. Не абсурд ли это?!

В-третьих, не следует забывать, что жертвами нацистского геноцида были отнюдь не только евреи. Представим себе двух благородных людей, спасших от верной гибели еврейку и цыганку; едва ли кто-либо из спасателей протягивал руку помощи тем или иным людям вследствие их национальной принадлежности. Многочисленные свидетельства таких людей, собранные за послевоенные годы, свидетельствуют, что как раз национальностью спасаемых ими людей они интересовались в последнюю очередь, помогая невинным жертвам потому, что те подвергались несправедливым притеснениям. Гуманизм, в отличие от ксенофобских преследований, практически никогда не бывает националистически ориентированным. Спасение от гестапо разыскиваемых евреев было столь же опасным для помогавших им людей, как и спасение разыскиваемых гестапо коммунистов, партизан и борцов Сопротивления. Однако, когда подобного рода дела будет рассматривать Комиссия в "Яд ва-Шеме", то люди, рискующие жизнью и спасающие цыган, гомосексуалов, "свидетелей Иеговы" и борцов Сопротивления, не имеют никаких шансов быть признанными "праведниками", если те, кого они спасали, не принадлежали к еврейскому народу. Абсурдным образом, для того чтобы

отметить высшие проявления нравственного гуманизма, сформулированы сугубо националистические критерии.

Представляется совершенно необходимым найти адекватные рамки для изучения и увековечивания памяти и выражения благодарности людям, которые в тяжелейший период Второй мировой войны и Холокоста сохранили верность гуманистическим нравственным идеалам, вне зависимости от того, какой национальности были спасаемые. Об этом говорил, в частности, еще пережившая Холокост Мириам Нович, отмечавшая, что если информация о трагедии еврейских общин хоть как-то становилась известной и привлекала к себе внимание, то геноцид цыган фактически прошел совершенно незамеченным: "Кто расскажет миру об убийстве цыган?!" - риторически спрашивала она...

Случалось, что представители других преследуемых групп спасали евреев. Среди тех, кто был удостоен звания "праведников народов мира", есть одна цыганка и 24 "свидетеля Иеговы" - и, вероятно, действительное число представителей этой конфессиональной группы, принимавших участие в спасении евреев, значительно больше. Коль скоро они есть среди цыган и "свидетелей Иеговы", а также и среди людей, принадлежавшим к группам, подвергавшимся репрессиям по политическим причинам, прежде всего, коммунистов и пацифистов, невозможно не задаться вопросом о том, не было ли и среди евреев подлинных праведников, которые в страшных условиях протягивали руку помощи и спасали других преследуемых. Наверняка же они были! Евреи, спасавшие других, совершали поступок, аналогичный тому, за который представители других народов как раз и удостоиваются звания "праведника". Тот факт, что человек оказывал жизненно важную поддержку преследуемому гитлеровцами и их приспешниками по другому критерию, отнюдь не делает этот поступок менее значимым, и не зря в еврейской традиции говорится, что "каждый, кто спас одну жизнь, как будто спас весь мир" (Мишна, Синедрион, 4:5).

Люди, в самые черные дни мировой истории спасавшие других, протягивали им руку помощи не потому, что они были евреи, пацифисты, "свидетели Иеговы" или гомосексуалы, а потому, что их преследовали и им грозила опасность. Праведник тем и отличается, что готов взять на себя ответственность за жизнь другого человека, вне зависимости от того, к какой национальной или религиозной группе тот принадлежит.

Подлинные гуманисты спасают людей, не руководствуясь критериями их расовой, национальной или конфессиональной принадлежности, поэтому отмечая их подвиг, "Яд ва-Шем" не должен искажать их мировоззрение, загоняя его в узко национальные рамки. Отдавая этим людям дань уважения, мы не должны навязывать им национально ориентированные критерии, противоречившие их мировоззрению.

Публикацию подготовили
А.Д.Охтов и А.Д.Эпштейн

Памятник матерям, спасшим ленинградских детей в ауле Бесленей

"МАРОЧНЫЕ" ЕВРЕИ МАРКА ШАБАШКЕВИЧА

Белла КЕРДМАН

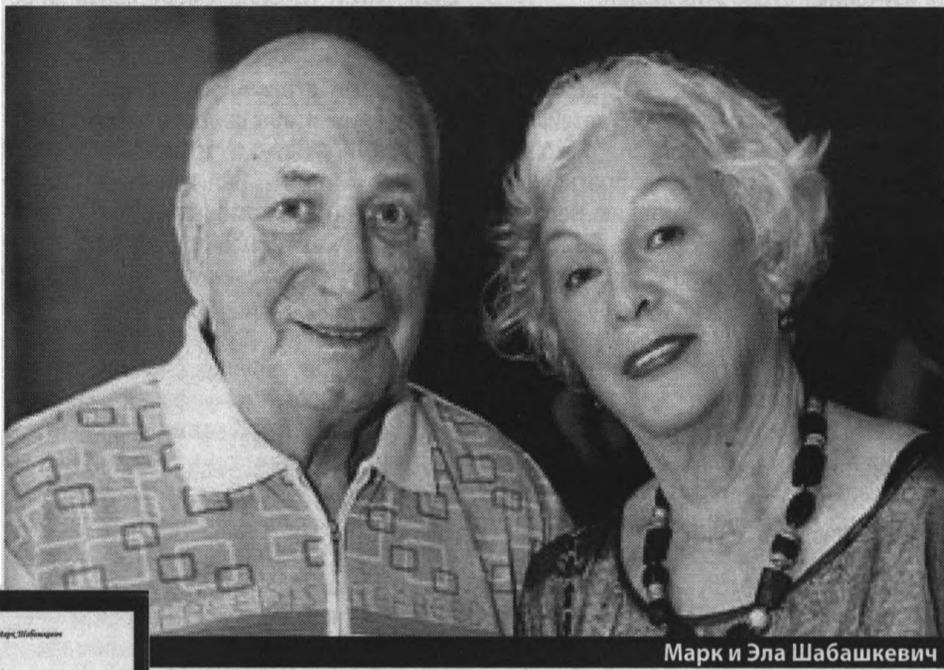
Позвонила Идочка из Реховота, у которой репутация человека, добрее которого просто не бывает. Сообщила, что она познакомилась с интересной парой: Элой, оказавшей ей волонтерскую помощь, и ее мужем Марком, который собирает информацию о евреях, известных и неизвестных. Потом уже, в беседе с Марком, я пойму, что "неизвестность" относится, собственно, к еврейству. То есть сам имярек на виду и на слуху, но о его еврейских корнях люди не знают. Получить у Идочки более полную информацию о ее новых знакомых у меня не получилось. Услышала взволнованное: "Это очень, очень красивые люди!". И записала их телефон.

И вот мы беседуем "за жизнь" с супругами Шабашкевич, репатриантами из большой алии не совсем 90-х: они прибыли в Израиль годом ранее. Из Прибалтики, хотя корнями из других регионов Союза. Оба - дети войны. Марку, родившемуся в Одессе, было шесть лет, когда она началась, но он помнит, как немецкий самолет обстреливал пароход, на котором они с мамой и старшей сестрой эвакуировались из города. Эла, тогда трехлетняя, потерялась, когда семья бежала из Кисловодска. Мать разыскала ее спустя полтора года благодаря женщинам из Бугуруланы, которые помогли тогда найти друг друга многим тысячам людей, разбросанных войной по городам и весям огромной страны. Дочку она нашла в том же платице, что и потеряла, и оно было ребенку впору: от коры да лебеды не прибавишь ни в росте, ни в весе...

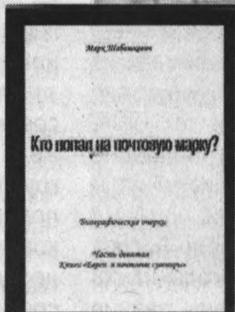
Немало еще было скитаний у этой семьи: то обокрали, то согнали с места, где удалось как-то приютиться, то КГБ прихватило мать за неосторожные слова о Сталине, и пришлось срочно бежать с одним чемоданом. Работа для мамы Софы, рабфаковки, выпускницы химико-бактериологического факультета Ленинградского университета, нашлась только на рыбокомбинате, что был на острове в дельте Волги, и поселились они там же, на территории бывшего лепрозория.

Переменил ситуацию случай. Среди очередной проверяющей комиссии оказалась неравнодушная москвичка, решившая вытащить интеллигентную женщину из того жуткого места. Так они оказались в городе Лиепая, в Латвии, где получили жилье из двух комнат с ванной. Так в жизни Элы, уже подростка, счастливого поменялись быт, окружение, школа!

К тому времени семья одесситов с сыном Марком также определилась с местожительством в Лиепая. Он учился в Таллинском политехническом институте,

Марк и Эла Шабашкевич

получал специальность инженера-механика по судовым установкам. Не совсем ту, о которой мечталось. В мечтах мальчика было строить корабли - популярное для одесситов занятие. Но в Ленинградский кораблестроительный институт парня не приняли: на календаре был приснопамятный 1952-й, больно сказавшийся на всех наших соплеменниках разных профессий, включая абитуриентов. И тут мой гость вспоминает любопытную вещь, я такого в своем сибирском студенчестве не знала. Представитель Таллинского политехнического, командированный в северную столицу, "вербовал" таких "отказников" в свой вуз. В результате, рассказывает Марк, 60 процентов студентов его кораблестроительного факультета оказались евреями! Ну да? чего в одном месте убавится, в другом прибавит...

Профессия Марка, если обобщенно - инженер-механик, востребована всегда и везде. Так что с работой проблем не было, по карьерной лестнице человек поднимался соответственно росту стажа. Самыми интересными, продуктивными считал 15 лет работы главным механиком стройуправления, возводившего крупный мясокомбинат. А о следующем месте своей службы в той же должности - Лиепайском галантерейном комбинате - вспоминает с усмешкой: выезжая в командировку в Москву за оборудованием и запчастями, Марк должен был брать с собой в качестве подарков солидное количество продукции комбината: дамских бюстгалтеров, этого перманентного дефицита советского быта...

Эла училась в Москве, в несуществующем сейчас вузе со странным названием - Мосрыбвтуз. А по окончании первого курса, подхваченная волной комсомольского энтузиазма, отправилась на целину.

К тому времени у нее уже был отчим: мать вышла замуж за Ерахмила Давидовича Симсона, уроженца буржуазной Латвии, прошедшего концлагерь, где в крематории сгорели его жена и маленький сын. И он, человек глубоких сионистских убеждений, сыграл большую роль в дальнейшей жизни не только Элы, а и Марка, их двух дочерей и, само собой, четырех внуков.

У супругов Шабашкевич проблем принять новую страну не было, они были счастливы, что приехали в Израиль. Это помогло преодолеть трудности первых лет, их ничего не страшило. Взяв машинку, купили квартиру спустя три месяца после прибытия в Израиль, хотя вывезти разрешили на семью в пять человек только восемьсот долларов. Машину тоже купили благодаря льготам, предоставленным государством. Исповедуя принцип, что работа лучше неработы, сразу начали трудиться. Там, где удалось устроиться. Марк начинал очень нелегко. Он, бывший директор завода, стал неквалифицированным рабочим на израильском заводике, где делали огромные окна весом по четверть тонны, которые потом грузили вручную на машины. На удачу спустя полгода ему удалось устроиться "мадрихом", руководителем мастерской "матехет", где проходили реабилитацию люди с ограниченными возможностями. И насчет этой новой работы Марк говорит, что впервые, пожалуй, почувствовал себя настоящим инженером, который должен все знать и все уметь. Причем зарплату он стал получать с учетом "второй степени" - как положено человеку с высшим образованием. Да, и пенсию, пусть небольшую, человек успел заработать. И Эла успела.

Правда, 51-летней тогда Эле было сложнее. В городе Лиепая она недолго поработала технологом на рыбокомбинате, а основной стаж (25 лет) пришелся на

мореходное училище, где Э.Шабашкевич преподавала. "Не совсем инженер, не совсем педагог", - скептически замечает она. Но трудилась с полной самоотдачей. Ее перфекционизм мощно проявился в Израиле. Первые 50 шекелей заработала "по-черному": убрала территорию возле дома от опавших листьев и прочего сора. Работа была действительно черная: ножом нагрела на тряпку тот мусор (других орудий не нашлось) и волокла в ящик. И в тот день дала себе слово: никогда больше! Она будет заниматься делом, которое по душе, пусть для начала бесплатно.

И такое занятие нашлось. Окончив курсы по работе с родителями детей олим, Эла в отделе образования ашдодского муниципалитета такую работу получила и принялась за нее, не считаясь со временем. Алия была большая, проблем у детей и у взрослых на новом месте оказалось немало, а русскоговорящих работников не хватало. Ее советы-памятки, написанные печатными буквами от руки, пользовались спросом в 27 школах. Эла не ожидала от себя такой активности - человек, как правило, не все о себе знает.

Следующим местом ее работы стал Дворец культуры в Рамле. Тут она развернулась вовсю! Кроме выполнения должностных обязанностей, Эла организовала на добровольных началах клуб матерей-одиночек. За неимением места преподавала иврит пожилым людям просто под деревом во дворе клуба. Добилась приемных часов в помещении министерства абсорбции для встреч и помощи проблемным семьям, стала бесплатной "еэцет" (советницей) в тихоне, помогая и детям, и родителям.

И еще одна важная наработка удалась этой женщине до выхода на пенсию: по заданиям Сохнута Э.Ш. более 20 раз ездила по городам и весям страны исхода - готовила будущих репатриантов к жизни в стране Израиле. Да и сейчас, в "золотом", как почему-то здесь его называют, возрасте, при неслабой нагрузке по уходу за домом и внуками Эла время от времени выполняет волонтерские поручения. Я спросила у собеседницы, какую услугу она оказала Идочке, назвавшей их с Марком "красивыми людьми". И узнала, как дело было. По программе "Хевра ле-ницулей Шоа" ее попросили навещать кого-либо из одиноких пожилых людей, пострадавших в Катастрофе и беседовать с таким человеком, ограниченным в общении. Показали список. Она выбрала Иду. Нет, они не были знакомы. Но Эла Шабашкевич не умеет "просто пообщаться". Она разговорилась женщиной, живущую в съемной квартире, выяснила ее проблемы. Поняла, что 9 часов 45 минут услуг "метапелет" в неделю явно недостаточно для Идочки при ее возрасте и состоянии здоровья. Теперь хлопочет в инстанциях о дополнительном времени ухода за ней.

...Передо мной солидный том в картонной, хорошо оформленной обложке. Его принесли с собой Шабашкевичи. Ее сразу поняла, что книга эта - рукотворная, изготовленная на компьютере, а не в типографии. Тиражом в 1 (один) экземпляр.

Полистала. Набрано грамотно не только в смысле русского языка, а и согласно дизайну: иллюстрации, которых немало, обверстаны текстом по всем правилам, поля и абзацы страниц смотрятся не хуже, чем в типографском издании. Называется книга "Евреи известные и неизвестные". Ниже фамилии автора читаю: "При содействии филателиста Исаака Мусящикова". Эла подсказывает: "Это том восьмой, у нас таких томов уже около тридцати". Невероятно! В оглавлении 296 фамилий, а всего в уникальной коллекции "марочных" евреев Марка примерно 2,5 тысячи очерков. Собраны евреи всех времен и народов, даже царь Саул есть!

Вот три Бродских: Александр, Иосиф и Исаак - ученый, поэт и художник. Открываю Исаака, этого "живописца всех вождей", которым в мои молодые годы людям моего окружения интересоваться считалось вроде банальным. Все равно как Лактионовым, тоже придворным соцреалистом. Оказывается, Бродский Исаак почти мой земляк - родился в селе Софиевке, что под Одессой. И окончил Одесское художественное училище, тогда - им. Костанди, потом им. Грекова. Сейчас это Художественная академия. Никогда, даже при директоре Василии Соколове, которого студенты за глаза звали Васькой, слабых художников это учебное заведение не выпускало! Ну да, Исаак Бродский художником был хорошим, иначе его бы к Кремлю не допустили. До революции он поехал по Европе, год жил на Капри у Горького. В 17-м нарисовал портрет Керенского, а в 18-м уже портрет Сталина, причем как бы прозрел в нем вождя всех и вся: Иосиф Виссарионович у него без малейшего следа осы на лице, высоколоб и даже ростом вышел! К тексту Марка Шабашкевича придано изображение почтового конверта с портретом молодого Исаака Бродского, выпущенного к 100-летию юбилею художника. И еще я узнаю из этого очерка, что удостоен автор парсун кремлевской знати не только юбилейного конверта, а и улицы в Москве: его именем была названа Михайловская, которая теперь "обратно", как сказали бы в Одессе, носит свое старое имя.

Удивило меня наличие в списках Марка гения российской, а затем и советской сцены Василия Ивановича Качалова. Не знала о его еврейской части. Читаю: отец - православный священник, но крещеный еврей по фамилии Шверубович. Учился будущий Качалов юриспруденции, но увлекся театром. В любительском спектакле его талант заметили художник Репин и писатель Гарин. По их рекомендации директор одного из петербургских театров согласился взять молодого человека в труппу при условии, что тот сменит "тяжелую для театра" фамилию. Замена нашлась совершенно случайно: молодой человек увидел траурное объявление о смерти некоего Василия Ивановича Качалова, ему не знакомого. И взял это ФИО себе псевдонимом.

Но и я смогла удивить своего визави: еврейские корни есть у актера и режиссера Андрея Смирнова! Да, того самого,

что поставил "Белорусский вокзал" и сыграл Бунина в фильме "Дневник его жены". Я слышала это с экрана телевизора от него самого, человека классической славянской внешности. Сына Сергея Сергеевича Смирнова, журналиста и телеведущего, много сделавшего для восстановления доброго имени ряда бывших фронтовиков, побывавших в немецком плену. От него, отца Авдотьи Смирновой, журналистки и телеведущей, а еще актрисы и неслабой писательницы. Сейчас проверила в Гугле. Так и есть: Вергилия, мать А.С., была еврейкой по отцу и армянкой по матери.

Как справедливо отмечает в предисловии к своему труду Марк Шабашкевич, человек, удостоенный марки или именного почтового конверта, никак не может быть ординарной личностью, интерес к нему безусловен. Вот, например, три "марочных" еврея из моей журналистской практики в Израиле. Это Авраам Хволес, мудрец и просветитель, много сделавший на посту главного раввина Цхинвали. Презентация марки с его портретом, выпущенной в Грузии, прошла в нашем кнессете. В Польше выпущена марка к юбилею трагически погибшего в годы войны (его застрелил прямо на улице эсэсовец) Бруно Шульца, художника и писателя мировой известности. Наконец, марка с портретом Павла Френкеля, одного из руководителей восстания в Варшавском гетто. В Израиле долгие годы признавали только "левую" группу лидеров восстания, то есть социалистов во главе с Мордехаем Анилевичем. А была еще "правая" группа, ее у нас замалчивали. И только к 70-летию восстания, этого беспримерного проявления героизма узников гетто, было решено выпустить марку с портретом Павла Френкеля, одного из руководителей "правых". К сожалению, не сохранилось ни одной его фотографии. Портрет для марки художник сделал по устным описаниям оставшихся к тому времени в живых польских евреев, видевших Павла...

Теперь вопрос: что с этим всем - с 30-ю сборниками, содержащими почти 2,5 тысячи хорошо написанных и иллюстрированных, даже смакетированных очерков, с этой уникальной энциклопедией в одном экземпляре - делать? Сидим, размышляем втроем. Приходим к выводу, что оптимальным решением будет поместить "марочных" евреев Шабашкевича в интернет. Запланировали открыть страницу под названием "Наши люди" в Фейсбуке и других социальных сетях. Уверены, читатели будут благодарны. Конечно, автору хотелось бы издать книгу, нормальную, в твердой обложке. Пусть не все, пусть только лучшее. Каким образом, как найти спонсора, который бы взял на себя расходы на благое такое дело, никто из нас понятия не имеет. Может быть, кто-то из читателей подскажет, не пропадать же такому добру!

ОТ РЕДАКЦИИ: В 2005 г. издательство "Меркур" (Рина Жак) выпустило под названием "Их помнит мир" книгу М.Шабашкевича, включившую 212 имен знаменитых евреев.

ОЧЕВИДЕЦ

Ян КАГАНОВ

В жизни каждого человека случаются события, которые, если оглянуться и посмотреть на них спустя годы, являются... можно даже сказать, что судьбоносными. Просто не все в состоянии понять, что такой момент настал: до некоторых это доходит с опозданием, а многие до конца своих дней так и не осознают, что и они спотыкались о придорожный камень с надписью "Направо пойдешь - к "Ликуду" придешь, налево пойдешь..." Понимаете, о чем я? А ведь порой твоё решение оказывается важным не только для тебя одного, а и для всей страны. Разве нет?

Это случилось ровно двадцать лет назад. Господи, неужели уже прошло столько времени? Прохладным осенним вечером я бродил по шумному Тель-Авиву. Заканчивалась суббота, и передо мной маячила рабочая неделя с ее разнообразными и малоприятными сюрпризами. Я отгонял от себя мысли о будничных хлопотах, изо всех сил стараясь продлить ощущение выходных, благо слонялся по городу не с один, а со своей тогдашней подружкой Лилах. А Лилах, надо вам сказать, была совершенно непредсказуемой девчонкой, правда, по счастью, ее взбрычки чаще были со знаком "плюс": она могла, например, сорваться с работы, чтобы пойти со мной в кино, могла в том же театре захотеть... ну, вы понимаете... Один раз Лилах даже наплевала на свадьбу какой-то дальней родственницы, когда ей захотелось подольше побыть со мной. А к ее привычке сбегать из мелких кафешек, не заплатив, я успел привыкнуть и, мчась следом, никогда не забывал оставлять плату и чаевые на столике - один-то из двоих должен быть взрослым.

Вот и этим тягостным вечером я провозжал Лилах. Мы неторопливо шли по центру города, болтали, смеялись, но предчувствие чего-то гнетущего опускалось на меня тяжелым осенним сумраком и мешало дышать. Лилах беззаботно скакала по плиткам, не переставая посвящать меня в свои смешные секреты, я делал вид, что слушаю, а на самом деле пытался освободиться от груза, душившего меня с каждой секундой все больше и больше.

- Да, девочка, - говорил я невпопад, не желая портить своей подружке настроение.

Я то улыбался через силу, не слишком умело симулируя веселье, то фальшиво хохотал, запрокидывая голову, но знал, что в самое ближайшее время произойдет что-то. Что-то такое, что изменит мою жизнь, и, наверное, не только мою. Поэтому я слегка ускорил шаг, чтобы как можно быстрее дойти до дома Лилах и после традиционно долгих милований в подъезде поспешить туда, где, как я все отчетливее понимал, должен находиться в это мгновение.

Мы целовались у ее дома, а в моей голове метроном отщелкивал секунды. Минута, еще одна... Дышать мне становилось все труднее: и из-за своих внутренних ощущений, и из-за язычка

Лилах, игриво перекрывавшего мне гортань. Девчонка с пяти лет увлекалась подводным плаванием, и воздух для нее был приятным, но отнюдь не обязательным излишеством. В отличие от меня, сухопутого и чувствовавшего себя неуверенно в любой воде глубже ванны. Но вот, наконец, доведя меня до легкого посинения ногтей, Лилах упорхнула под заботливое родительское крылышко. И тогда я, преодолевая одышку, помчался ТУДА.

На площади Царей Израильских было многолюдно. Дикие вопли с трибуны вызвали еще более бурный отклик в ревущей толпе. Я остановился. Сердце колотилось так, что я видел, как слева вздымается футболка "Найк". Легкие рвались наружу, опережая выделенную ими же мокроту. Я переводил дух, тревожно озираясь. Никто не обращал на меня никакого внимания, прислушиваясь к тому, что скажет Рабин, и заранее готовясь одобрить его слова скандированием. Кажется, только я тяжело дышал - один из десятков тысяч. Это было поразительно. Это было, черт возьми, даже пугающе! Неужели только я хрипел и отплевывался? Понимаете, это и есть то, о чем я говорил: твой момент истины, который очень важно осознать и не забыть.

И тогда я сделал то, что должен был сделать. Именно так! Я зашел в магазин обуви и впервые за последние годы купил себе кроссовки. Ибо я понял, что эти затрудненное свистящее дыхание, кашель, одышка - это не просто секундная слабость, а признак надвигающейся тучности, нахальное подмигивание старости. Так сказать, тонкий намек на то, что уже нельзя валяться по вечерам у телевизора, заедая пиво багетом с камамбером, а надо вставать, надевать спортивный костюм и либо идти в тренажерный зал, либо просто ежедневно бегать.

Итак, я купил кроссовки. И с тех пор, вот уже двадцать лет, я занимаюсь своим здоровьем и тщательно слежу за весом. Потому что я вовремя понял, что в тот вечер наступил момент, который изменил мою жизнь. Что? Как он изменил жизнь страны? Никак не изменил, а почему вы спрашиваете? Ах, я говорил что-то о стране? Да? Ой, это я, видимо, увлекся. Вы опускаете видеокамеру? Как, вы уже уходите? И что, по телевизору меня не покажут? Жаль, очень жаль. А о том, почему я расстался с Лилах, вы тоже не хотите снять репортаж? Это очень интересная история. Не хотите? Да, да, я понимаю, что подвел вас. Наверное, я просто не совсем точно выразился. Извините.

БЕСЕДА С ХАНОХОМ ДАШЕВСКИМ

Дина РАТНЕР

Д.Р. Ханох, вы мастерски владеете искусством поэтического перевода, в частности с иврита, идиша и других еврейских языков. Ваши переводы стихов часто не менее убедительны, чем оригинал, и, судя по вашим публикациям, вы не понаслышке ориентируетесь в несбывшихся надеждах российских евреев на справедливость при царской и советской власти.

У многих репатриантов, недостаточно владеющих ивритом и не знающих идиша, стихи Ури Цви Гринберга и Переца Маркиша на русском языке воскрешают в памяти рассказы о погромах, гонениях, уничтожении Еврейского антифашистского комитета, "деле врачей". Образные, эмоционально причастные переводы создают впечатление, будто вы сами были непосредственным участником событий нашей истории - истории страха, ощущения ущербности и сознания необходимости мириться с существующим положением вещей.

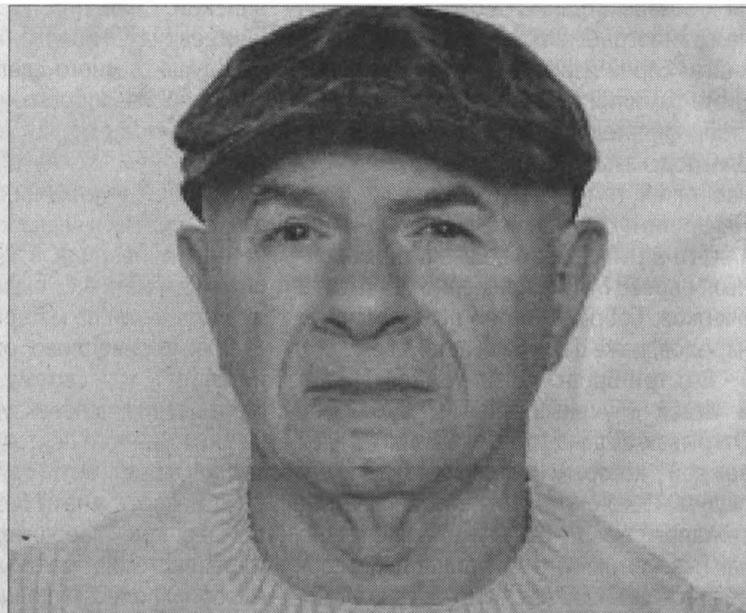
Сейчас, когда мечта о своей земле, Иерусалиме стала реальностью, как вы представляете становление самосознания собранных со всего мира евреев?

Х.Д. Те, кто закладывал основы еврейского государства, взяли за основу теорию "плавильного котла". По их мнению, представители различных еврейских общин, вместо того чтобы и в Израиле сохранять свою самобытность, должны были объединяться на основе новой модели - "израильской нации", история которой начинается с Базельского конгресса 1896 года и Первой алии, как будто и не было двухтысячелетнего изгнания. В стремлении избавиться от "галутного наследия" сионисты-социалисты выплеснули с водой и ребенка - национально-религиозную традицию, ту, что была главным стержнем народной жизни. Но опустевшую нишу надо было чем-то заполнять. Одни стали искать "ханаанские" корни, опираясь на то, что племена древнего Ханаана говорили на наречиях, близких к ивриту. В наши дни объявили себя "ханаанцами" живущие здесь арабы. Не случайно их теперь называют палестинцами, хотя к древним палестинцам (филистимлянам, "плиштим") они имеют такое же отношение, как и к Ханаану. Ведь это римляне после восстания Бар-Кохбы, потрясшего империю, назвали нашу страну Палестиной, по имени исчезнувшего народа, чтобы стереть даже память об Иудее.

Другие "искатели" обратили взоры к тому идеалу, который был идеалом наших смертельных врагов. Так возник образ уроженца страны, "гордого сабры" - блондина с голубыми глазами, у которого от еврейства остался только иврит. Но для того, чтобы обосновать наше право на Страну Израиля, мало говорить на иврите или просто родиться здесь. И не случайно некоторая часть

Дина Ратнер

Ханох Дашевский

уроженцев страны, внуки и правнуки ее создателей, вместе с врагами Израиля подвергают сомнению наше право на существование, поддерживают бойкот нашей страны, а другие готовы пойти на такие уступки, после которых новая Катастрофа станет только вопросом времени.

Как такое могло произойти? Ренегаты были всегда, но еврейский народ не может существовать вне единой национальной культуры, неотделимой от иудаизма. Иудаизм - не только религия, это образ жизни еврея. Отмечать праздники, соблюдать Йом-Кипур и кашрут, стараться, хотя бы публично, не нарушать шабат - разве это много? Еврейская традиция - основа нашей идентичности, и она должна быть необходимой составной частью национальной идеи. Сионизм без традиции привел к постсионизму, традиция без сионизма - к сектанству, которое, к сожалению, наблюдается у части ультрарелигиозного еврейства. Нужно сочетание - оно должно стать стержнем национального самосознания народа Израиля.

Д.Р. Зная иврит, вы можете ориентироваться не только в культуре русскоязычных репатриантов, но и местных израильтян. В чем состоит своеобразие израильской культуры, чем она может обогатить нас в плане духовного наследия?

Х.Д. Первое поколение деятелей израильской культуры было еврейским и сионистским. Эти люди знали, почему они здесь, у них не было душевного разлада. Но если говорить о культуре, заблудившейся в "трех соснах" определенной части современных израильтян, то вряд ли эта культура может нас чем-то обогатить. Немало представителей этой культуры признают справедливым "палестинский" нарратив, который лишает нас и наше государство легитимации. Не думаю, что репатрианты из бывшего СССР могут быть близко столь характерные для израильской культурной элиты декадентство и нигилизм, гедонизм и пренебрежение к еврейским корням,

ведущее к отрицанию кровной связи с еврейством. Однажды, проиграв на очередных выборах в кнессет, не кто иной как покойный Шимон Перес воскликнул: "Евреи победили израильтян!" Он имел в виду, что национально ориентированные евреи победили космополитов-израильтян. Такое высказывание многое объясняет и в то же время вселяет надежду: большинство народа Израиля не готово рушить тысячелетние устои. Наше духовное наследие неизменно: это Тора и еврейская традиция. То, что всегда обогащало нашу культуру и в Стране Израиля, и в изгнании, и то, что должно обогащать нас сегодня.

Д.Р. Теперь, когда мы единый народ, на чем строится наша общая культура?

Х.Д. Мы пока еще не единый народ. Не до конца изжиты трения между ашкеназами и сефардами, между светскими и религиозными. Антипатию по отношению к себе чувствуют и представители нашей "русской" алии, но есть один важный момент. Нередко антипатия исходит от соблюдающих традиции, которым не нравится вынужденный наплыв большого количества ассимилированных евреев, не желающих возвращаться к еврейским ценностям. И я понимаю их: мне это тоже не нравится. Пример - скандал вокруг работающих в субботу магазинов, и одно из ведущих мест в этом скандале принадлежит "русским", требуя, чтобы продовольственные лавки и супермаркеты были открыты в святой для евреев день. Это подрывает еврейский характер нашего государства. В Германии магазины в воскресенье закрыты, а мы должны нарушать субботу? Этого делать нельзя, и, хотя изменения нужны, но не те, которые подрывают основы и играют на руку нашим врагам. Чтобы стать единым народом, нам всем, евреям этой страны, надо объединиться вокруг еврейской традиции. Пусть она складывалась в те времена, когда евреи были удручены своей бездомностью, своим униженным положением, ничего другого, на чем можно было бы стро-

ить наш общий дом, у нас нет. Нужен цементирующий материал, нужен фундамент, иначе народ Израиля выглядит, как лоскутное одеяло. Но с другой стороны, такой святой день, как Йом-Кипур, соблюдают не менее 90% евреев Израиля. Слава Богу, не все потеряно. Традиция хранила нас в галуте, и до прихода Машиаха ей нет альтернативы. Светский сионизм полагал, что он и есть Машиах, но оказалось, что это только "осел Мессии".

Д.Р. Нас объединяет ТАНАХ, общие праздники, необходимость защищаться и боль о погибших солдатах. Но есть еще некое экзистенциальное содержание, духовная общность. Как вы ее себе представляете?

Х.Д. Кроме ТАНАХа и неоднократно упоминавшейся традиции есть коллективная историческая память, коллективная гордость и скорбь. Но превалируют именно необходимость защищаться и осознание того, что отступать некуда. Как сказала однажды Голда Меир: "У нас есть секретное оружие: нам некуда идти". Новая израильская общность только формируется, и общая опасность помогает нам объединиться. И все же одних рациональных обстоятельств недостаточно, чтобы объяснить израильский феномен. Возрождение Израиля, возвращение евреев в свою страну в соответствии с древними пророчествами не имеет никакого исторического прецедента и с рациональной точки зрения необъяснимо. Сила, которая привела нас сюда, удерживает нас здесь, несмотря на наши ошибки и заблуждения, вопреки всему. И тот, кому нужны доказательства ее существования, пусть возьмет и проанализирует нашу историю.

Д.Р. Для многих ивритских поэтов - Рахели, Шлионского, Леи Гольдберг русский был родным языком. В переведенных книгах ивритоязычных писателей Амоса Оза и Меира Шалева читаем об их русских корнях. Нередко создается впечатление, что большинство нашего населения - перемещенные из России поко-

ления. Например, в воззрениях местных хасидов я узнаю состояние ума и души своей бабушки из украинского местечка. В какой культуре мы ищем себя и хотим приобщиться к ней? Кто они - коренные израильтяне?

Х.Д. Не только Рахель, Шлионский и Лея Гольдберг, но и Бялик, и Черниковский, и Бреннер, и Альтерман и многие другие, кто возрождали иврит и стояли у истоков израильской культуры, были жителями городов и местечек Российской империи и знали русский язык. Но для них он не был родным - их родным языком был идиш. Все они вышли из той, не обозначенной ни на одной карте страны, которую писатель Давид Маркиш образно назвал Идишландией, и, действительно, значительная часть израильского населения - потомки выходцев из этого давно не существующего края. Но сионисты отвергли идиш и богатую идишскую культуру во имя высшей цели - создания нового общества на основе единого национального языка - иврита. И все было бы хорошо, если бы создатели не забывали, что новое общество должно быть еврейским. Поэтому мы снова и снова возвращаемся в исходную точку: без традиции нет еврея. И сегодняшние прения вокруг еврейского характера Государства Израиль - это прямой результат политики светского сионизма: на каком-то этапе утратили национальные ориентиры и вот - спохватились. И требования ввести в школьную программу фрагменты из истории еврейства диаспоры - тоже свидетельство былого израильского пренебрежения к нашему прошлому. На чем нам строить общую национальную культуру? Что более драгоценного, чем духовное наследие предков и великое прошлое, может быть у народа? Да, у Израиля есть современная героическая история, но одного этого мало. Вот почему нам отказывают в легитимации: мы скулим о безопасности и выживании, но боимся открыто и громко заявить о своих правах. Тора даже больше, чем древняя история, дает нам право на эту землю. И потому, что мы молчим об этом перед всем миром и готовы делить с врагами Страну Израйля, иудеи превращаются в колонизаторов: колонизируют Иудею, колыбель еврейского народа. А пришлые арабы становятся угнетенными аборигенами.

Д.Р. В чем вы видите национальную идею Израиля?

Х.Д. Мне кажется, об этом немало говорит строка из первоначальной версии нашего гимна "Атиква": "В страну отцов возвратиться, в Давида град незабвенный". Но чтобы долго не рассуждать, лучше приведу небольшое стихотворение Ури Цви Гринберга (перевод мой):

*Зачем нам жить,
если Храм наш не выситя нерушимо.
Нам семьдесят наций - ужас, без Храма,
без Иерусалима.
Полшекеля* наши для Храма
дороже золота Рима,
а если нет у нас Храма -
мы нищие Иерусалима.*

*Вся наша гордость - листва,
осенним ветром гонима:
не будет нам в мире места
без вечного Иерусалима.
Блажен, чья слеза надежды,
волною моря носима,
достигнет царских ступеней -
порога Иерусалима.
Как Вечносущего Имя,
да будет произносимо
огнем палящее имя - имя Иерусалима.
<...>
Град Бога, оплот и радость -
красу и мощь его стен
упрочит Господь навеки.
И скажем: амен.*

На мой взгляд, в этих стихах лучшим образом сконцентрирована наша национальная идея, и в ней три главных аспекта: Храм, Иерусалим и Страна Израйля. Без них мы не можем нормально существовать, как не может существовать организм без важнейших для него органов. Без них мы подобны бесплотной тени, и семьдесят наций, под которыми подразумеваются все народы мира, - ужас для нас. И хотя мы вернулись в Страну и в Иерусалим, нам еще предстоит отвоевать их окончательно и построить Храм. Иначе: "Нет места нам среди наций..."

Д.Р. Многие "русские" евреи и светское население страны в плане культуры своеобразные космополиты - граждане мира. Каким образом широкая осведомленность влияет на религиозные воззрения и становление национального самосознания?

Х.Д. Влияние может быть разным. Широкая осведомленность ни в коем случае не должна отрицательно влиять на духовную жизнь еврея и его национальное самосознание. Разве нельзя быть образованным, знающим человеком и в то же время придерживаться традиций своего народа? Если мы - космополиты, так давайте пойдем снова по миру, а если евреи - надо жить по-еврейски, и это отнюдь не значит, что надо превратить Израиль в еврейское гетто или в большое местечко. Те, кто хотели бы это сделать, не вышли из галута и не собираются. Но, с другой стороны, чем больше мы будем стараться "быть как все", тем меньше народы мира будут признавать наше право на Страну Израйля, и то, что происходит сегодня: непрестанные попытки отказать нам в легитимации, заменить Израиль Палестиной - прямое следствие желания какой-то части из нас затушевать нашу еврейскую сущность. На заре сионизма одни хотели построить еще одно обыкновенное ближневосточное государство, другие, во главе с Герцлем, переместили сюда близкую их сердцу германоязычную Европу, ну а третьи, и их было большинство, собирались построить социалистическое еврейское государство. В сионистском движении было достаточно образованных, в том числе получивших еврейское образование людей, но глубинную суть еврейства понимали лишь те, кто сохранял связь с традицией. А те, кто заявлял "мы народ как все народы", заложили многие из пороков Государства Израиль.

Д.Р. Иудаизм после возвращения из

вавилонского изгнания другой, чем во времена Первого Храма. Можно ли говорить о том, что после двухтысячелетнего рассеяния соотношение веры и разума сместилось в сторону рационализма?

Х.Д. После Первого Храма был Второй. Иудаизм сегодняшний, так называемый "раввинистический", возник после разрушения Второго Храма, и этот процесс занял много столетий. Духовным руководителям еврейского народа удалось заменить Храм традицией, создать Талмуд, "Книгу-Храм", и таким образом сохранить еврейство в рассеянии. Соотношение веры и разума у евреев стало смещаться в сторону рационализма в XIX и особенно в XX веке, и неоднозначный результат этого явления мы видим сегодня: с одной стороны - возникновение Государства Израиль: сионисты не стали дожидаться прихода Машиаха. А с другой стороны - ассимиляция, не всегда сознательная и добровольная, но порой принимавшая серьезные масштабы. Только антисемитизм не исчезал, и это составляло часть "рационально мыслящих" оставаться на национальных позициях. Традиция - регламентированный до мельчайших подробностей уклад - спасла нас от исчезновения и будет существовать, пока не восстанет Храм. Но если в былые времена достаточно было веры, то в современном мире сочетание веры и разума необходимо, просто оно должно быть сбалансированным.

Д.Р. Почему движение еврейского Просвещения - Гаскала вызвало отход от еврейства и участвовавшие случаи крещения? Ведь чем больше мы приобщаемся к знаниям, тем очевидней, что именно иудаизм обращается к разуму в большей степени, нежели христианство.

Х.Д. В ответе на предыдущий вопрос я косвенно затронул эту тему. Именно желание объединить веру и разум легло в основу идеологии просветителей. Те, кто в России стояли у истоков еврейского просвещения, не стремились к перемене религии и вхождению в чужую культуру, переход собратьев в христианство, охвативший последователей Моше Мендельсона в Германии, они осуждали. Их идеалом было сочетание Торы и разума. Тора без разума переходит в суеверие, считали они, но и разум без Торы опасен. В России их целью была не русификация евреев, а приобщение еврейства к современному обществу при условии сохранения национальной идентичности. То, что такое приобщение может вести к ассимиляции, не сочеталось с их наивным идеализмом. "Маскилим" обращались к славным и трагическим моментам еврейской истории, пропагандировали иврит в качестве языка светской еврейской культуры, но главным их лозунгом был призыв выдающегося поэта и одного из ведущих "маскилим" Иегуды Лейба (Льва Осиповича) Гордона: "Будь человеком на улице и евреем дома!". Это означало, что на улице евреи должны уподобиться соседям-христианам и не выделяться среди них. Подразумевалось, что еврейская жизнь сосредоточится в домашних стенах, но многие сторонники просвещения были полны иллюзий и не

понимали, что большинство евреев, перенеся на улице чужие традиции, принесут их домой. До второй половины XIX столетия влияние "маскилим" в России было незначительным. Еврейская масса крепко держалась за вековые устои, но реформы Александра II изменили ситуацию: открылись новые возможности, и то, что произошло за несколько десятилетий до этого в Германии, стало происходить и в России. Да, иудаизм апеллирует в том числе и к разуму человека, но если ничем не ограниченный разум начинает преобладать - горе нам.

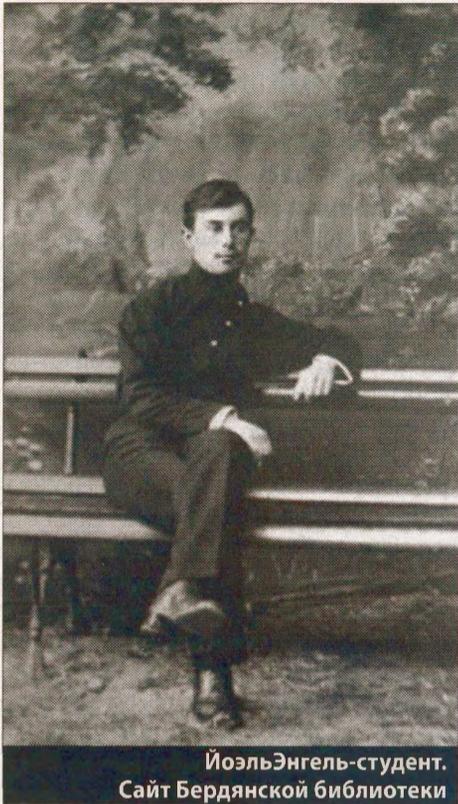
Д.Р. При внешней светскости и внутренней религиозности евреи из России в основном "правые" - не надеются на миролюбие арабов. Нам присуще чувство кровной причастности к своей земле, стремление найти высший метафизический смысл жизни, выражающийся также в прослеживающейся на протяжении веков мечте о Храме. О чем можно судить по многим свидетельствам, в частности, по переведенным вами стихам поэта средневековой Испании Дунаша бен Лабрата (920-990). Так, на призыв веселой компании наслаждаться всеми радостями жизни, он отвечает: "Срам! / Предаваться пирам, / Коль в руинах наш Храм, / И пасется там скот! // <...> // Разве нам до утех? / Тих и горек наш смех, / Ибо мерзость для всех / Наш бездомный народ".

О неприкаянности в галуте, неуместности веселья и вина, "когда Господень Храм врагу принадлежит" писал поэт и мыслитель XI века Шломо ибн Гвириоль. Он мечтал побывать в Иерусалиме, "увидеть место, где некогда стоял Храм и оплакать его разрушение".

Тема неразрывности прошлого, настоящего и будущего Израйля, Иерусалима, Храмовой горы актуальна и для поэтов сегодняшнего дня. Об этом мы читаем в одном из ваших недавно написанных стихов: "Вот Ерушалаим, наш город святой. / Вот купол сверкает над ним золотой. / Не Храма ли кровля горит на заре? / Нет, Храм не сияет на нашей Горе. / Другие на ней силуэты видны - / А мы копошимся внизу у Стены. / И пусть перед нами святая Стена, / Подножием Храма не стала она. / Гора наша древняя - свет и завет - / Без нас оставалась две тысячи лет. / <...> / Когда наши годы земные пройдут, / Что скажем мы Богу, явившись на Суд? / Что клали поклоны Ему у Стены, / А Гору забыли, как старые сны? / Не стало у нас нашей веры живой - / Привычно шакалий мы слушаем вой. / И купол блестящий не режет нам глаз, / И Божьему дому нет места у нас. / И только в сердцах наших есть уголок, / В котором мы Богу возводим Чертог. / Пока еще там только цоколь стоит, / Но мрамор там встанет, и встанет гранит. / И кровлей он будет сверкать золотой, / И будет внутри семисвечник литой. / Исчезнут у нас и сомненья и страх, / И чудо свершится на наших глазах: / По древним руинам, по старым камням / Взойдем мы, ликуя, в отстроенный Храм, / В тот вечный, заветный, обещанный Дом, / Который мы выстроим в сердце своем!".

* Налог, который собирали в Древнем Израйле на Храм.

Окончание. Начало на стр. 1

Йозель Энгель - студент.
Сайт Бердянской библиотеки

ют друг друга. В БСЭ (даже в оттепель, в 1957) Энгель назван русским музыкальным критиком и композитором, а во всех еврейских энциклопедиях, книгах и справочниках - еврейским композитором и отцом еврейской музыки. И то, и другое, в общем, справедливо.

Показать диапазон написанного Энгелем почти невозможно, но перечислим хотя бы малую его часть: "Очерки по истории музыки" - популярные лекции; "В опере. Сборник статей об операх и балетах", кроме биографии Танеева, есть еще и Римского-Корсакова, и Скрябина; редактировал "Музыкальный словарь Римана" и Музыкальный отдел 7-го издания Граната, издал и свой "Краткий музыкальный словарь". Более 800 статей, посвященных русской и европейской музыке! Среди музыкальных сочинений: песни и романсы на слова Байрона, Шелли, Пушкина, Бялика, Черниковского, хоры, инструментальные пьесы, сборники детских песен и "Еврейские народные песни" (записал и гармонизировал)...

Все биографы отмечают, что лекции Энгеля о Сен-Сансе, Григе, Гайдне, Моцарте и Бетховене пользовались колоссальным успехом. На лекциях же о русской национальной музыке он нередко получал враждебные письма и даже угрозы. Чем более эмоциональным и вдохновенным был лектор, тем более раздражал он черносотенцев. Капитайкин пишет: "Вряд ли это - угрозы и оскорбления - были причиной обострившегося интереса к еврейской музыке. Но толчком - безусловно". Однако Моше Бронзафт полагал, что толчок был не внешний, а скорее внутренний и произошел намного раньше. В годы студенчества Энгель попал в талантливую еврейскую компанию, и решили они поставить оперу "Эсфирь" ("Эстер") к празднику Пурим. Либретто написал сам Энгель. До праздника оставалось всего три недели. Энгель взялся написать и музыку к двум действиям, по одному действию взяли на себя его друзья. И тут он столкнулся с неразрешимой дилеммой: привычная его слуху и перу музыка в русском духе не передавала танаховского, библейского содержания

свитка Эстер, не соответствовала... Вот когда впервые он обратился к еврейским песням и мелодиям, слышанным от отца в Бердянске.

И Менаше Рафина проводит параллель между собиранием и обработкой русских песен Михаилом Глинкой и той же работой, проделанной Энгелем с народной еврейской песней. Заметим, что Глинка умер в 1854 году, еще до рождения Энгеля, так что вполне мог служить для него примером. Энгель скажет, что занимался этими песнями не потому, что был евреем, скорее, наоборот, чем больше он работал, углублялся в эти песни и полюбил их, тем больше становился евреем.

Любопытно было узнать, что при всей своей деликатности этот "остроумный, интересный, обаятельный" человек (по словам его однокурсника) не боялся высказывать свои взгляды никогда и никому, в том числе таким авторитетным людям, как Стасов или Шолом-Алейхем...

Именно Стасов, как известно, придумал наименование "Могучая кучка" для пятерых русских композиторов - Цезаря Кюи, Балакирева, Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова. Энгель считал, что "могучими" можно назвать только трех последних. Так и написал Стасову и разозлил его. Стасов, о котором говорили, что он "не возражал противникам", а "хватал за горло, бичевал, повергал ниц, уничтожал", писал Энгелю: "...я, к величайшему сожалению своему, убедился, что между нами "разногласия" и "розни" по музыкальному делу еще гораздо больше, чем я прежде думал...". "Какой уверенностью и смелостью надо было обладать молодому музыковеду и критику", - пишет Яков Львович Сорокер, - чтобы... отстаивать свои убеждения, да еще перед лицом такого авторитета... Но они дружили. Дочь Энгеля, Ада Рогинская, вспоминала, что, услышав на улице пасхальный перезвон, Стасов поднял палец, прервав беседу с Энгелем: "Слышите, во всех церквях поют "Христос воскрес"... чудная какая мелодия, но я голову готов прозакладывать, что ее пели еще до Христа. Пели ее в Иерусалимском Храме, а оттуда она пошла гулять по свету и до сих пор ходит и будет ходить". И еще, в письме от Стасова: "...Христианские мелодии на добрую половину, а может быть, и больше, стоят на еврейских фундаментах!" Именно Стасов поддержит его "предприятия" с еврейскими народными песнями!

Мы говорим о Стасове. Но между Энгелем и Шолом-Алейхемом случился вообще курьезный конфликт: что считать авторской, а что народной песней? Поводом послужила рецензия Энгеля в газете "Восход". Киевский адвокат Марк Варшавский издал сборник еврейских песен, написав, нимало не смущаясь, на обложке: "Еврейские народные песни Марка Варшавского". Энгель выступил с резкой критикой: не может композитор называть сочиненные им песни народными, такими они могут когда-нибудь стать... Но Шолом-Алейхем, написавший предисловие к этому сборнику, вступился за автора... Перепалка идет на русском и на идише (с идиша - вольный перевод мой. - Ш.Ш.). "И какой же еврей не умеет петь?" - Шолом-Алейхем насмешлив: "...негинэ (мелодия) это ведь еврейское дело. Одна из трех вещей, в которых мы самые большие специалисты - слезы, пение и бриллианты... Если тема какой-то мелодии основана на тактах вальса

Й.Энгель в Малаховке

или мазурки, так что - это может повредить сионизму, еврейскому народу?.. Признайтесь, что Вы перегнули палку. Ну, вырвется словечко, со всяким бывает. И так ведь увлекся, что сам себя заслушался". Запальчив и Энгель: "Ваша героиня Шейне-Шейндл умнее Вас: когда она не знает, что такое дивиденд, - спрашивает, а Вы высмеиваете то, в чем не понимаете, превращая все в фарс, в цирк. И при этом очень довольны собой". Он обвиняет Шолом-Алейхему в незнании разницы между понятиями "ритм" и "темп", и что такое "морендо" и что такое "форте-фортиссимо": "но учить Вас музыке я не собираюсь - у меня нет ни времени, ни желания".

Спор этот тогда, наверно, был серьезен. Сегодня это мило и смешно. Ну, еще цитата из Энгеля: "Вы пишете, будто я сказал, когда читаешь песни Варшавского, можно подумывать, что еврейский народ только и делает, что пляшет, а я сказал иначе: "Когда слушаешь песни Варшавского, можно подумать, что евреи поют сплошь польки, мазурки и кадрили. А представьте себе старого благочестивого красавца-хасида в длинной капоте и белых чулках, который танцует венский вальс или... падеспань". А Шолом-Алейхем ему... А Энгель ему... И, наконец, вот у меня копия письма Энгеля, уже на русском, завершающая их спор.

"Многоуважаемый Шолом-Алейхем!
Очень рад Вашему письму, из которого заключил, что Вы признаете правоту основной позиции, занятой мною по отношению к еврейским народным песням. Конечно, в частностях я был, может быть, неправ и слишком односторонен... Примите мой сборник, как знак благодарности от челове-

ка, который хотя знаком лишь с немногими Вашими сочинениями, но от этих немногих имел много удовольствия.

Нахальный Ваш Ю.Энгель,
Москва, 17.2.1901"

Непривычно и замечательно назван Энгель в Еврейской энциклопедии 1913 года: писатель по музыке и композитор! Так сегодня бы не сказали. В каждый период своей жизни Энгель оказывался в том месте, где был особенно нужен, где мог принести пользу.

В 1900 г. на заседании Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве Энгель сделал доклад с прослушиванием записанных им на фонографе фольклорных записей и обработок еврейских песен - результат его экспедиций. Из упомянутой энциклопедии: "Этот вечер вызвал целое движение среди еврейской молодежи". Через год похожее мероприятие состоялось в Петербурге. В результате именно там основалось "Общество еврейской народной музыки" (1908). Среди самых близких ему "по духу и страсти" в то время сам Энгель называл Зиновия (Зусмана) Киссельгофа (1878-1939), общественного деятеля, энтузиаста еврейской культуры, педагога.

В присутствии многих выдающихся музыкантов Энгель сказал, что еврейская светская песня, вопреки существующему мнению, представляет не только этнографический, но и художественный интерес: "В духовной музыке мы встречаем напевы несомненно древние, которые поются более или менее одинаково почти всеми евреями на земном шаре. Происхождение этих древних напе-

Дом, где жил Й.Энгель. Фото Ш.Шалит

Обложка книги Й.Энгеля "Еврейские народные песни". Оформление Л.О.Пастернака

Сюита Й.Энгеля к спектаклю по пьесе С.Ан-ского "Диббук"

вов, то есть то, что поется в синагогах, теряется во мраке столетий, а может быть, даже тысячелетий". К слову, этими напевами вскоре займется именно Шломо Розовский. Позже он напишет и издаст великолепное сочинение о кантиллации - молитвенном пении. Энгель же посвятит себя светской музыке... "Вы услышите, - сказал он, - нечто вроде еврейского песенного микрокосма. Тут есть и колыбельные песни, и любовные, и бытовые, и семейные, и свадебные, и шуточные, и солдатские. Те мелодии, которые сегодня будут исполнены на инструментах, записаны лично мной". Он рассказывал и показывал. Ему помогали те, с кем он ставил оперу об Эстер, и это похоже было на чародейство... Шломо Розовский вспоминал, что все они - ученики Римского-Корсакова и Глазунова - после концерта Энгеля обратились к еврейской музыке. Слова песен первого сборника редактировал поэт Шауль Черниховский. Успех показал Энгелю, что он на верном пути. До 1912 года он будет чуть ли не каждое лето сам ездить с фонографом по городам и местечкам России, Белоруссии, Украины. В 1912 году он впервые поедет с Ан-ским. Три тома еврейских песен вышли в Петербурге с обложкой, сделанной художником Леонидом Осиповичем Пастернаком (Борис Пастернак, мечтавший сначала о музыкальной карьере, стал учеником Энгеля по теории музыки).

Арье Фридман-Львов (1884-1955), вокалист, один из бывших студентов Петербургской консерватории, примкнул к "Обществу..." позднее, в 1912-м. Через много лет, на вечере памяти Энгеля в Хайфе, он вспоминал: "Мы были счастливы, что музыкант такого уровня, как Энгель, писавший в газете "Русские ведомости", критик не просто серьезный, а блестящий, бывший раньше в стороне "от еврейских дел", со всем жаром своего сердца отдался созданному у нас "Обществу...", став поистине его "живой душой"..."

В 1917 году Шаляпин на петербургской сцене, вслед за гимном "А-Тиква" исполнил сочинение Энгеля "Лежит дитя в колыбели".

В 1920-1921-м годах мы видим Энгеля в подмосковной Малаховке. Лучшие деятели еврейской культуры прибыли туда не на фестиваль, не на присуждение каких-либо премий или званий, а ради еврейских сирот, детей беженцев, собранных в Малаховском доме-колонии.

Особое место в творчестве Энгеля занимает музыка к спектаклю по пьесе Ан-ского "Диббук", поставленному Вахтанговым в мос-

ковской еврейской театральной студии "Габима" (1922). Жаль, если вам не довелось ее слышать... Когда я готовила радиопередачу об Ан-ском, мне посчастливилось прослушать в записи весь спектакль "Габимы", потом еще и еще раз, и я настолько прониклась его музыкальной канвой, что сначала добавила к трем частям передачи четвертую, чтобы включить и музыку, а потом весь этот материал, с переводами текстов песен, вошел в мою книгу "Печать любви".

В 1922 году, вскоре после премьеры "Диббука", Энгель эмигрирует в Германию, где становится музыкальным директором еврейского музыкального издательства "Юваль". Публикует там и свои работы.

В Эрец-Исраэль приезжает в 1924 году.

Сколько великих дел свершил бы этот человек для зарождавшейся музыкальной жизни в стране, если бы судьба отвела ему больший срок! Для новой жизни, которую он, несмотря на обычные трудности репатриации, принял всей душой, отпущено было Энгелю всего лишь три года. Поражает как много он успел, какой настоящей и полноценной жизнью жил, какой след оставил на родной земле, с каким вдохновением и энергией создавал новую музыкальную израильскую культуру.

Есть у меня и живое свидетельство об Энгеле.

Вдова израильского композитора Мордехая Зеиры, Сара, сама певица и преподаватель музыки, была ученицей Энгеля. Директором музыкальной школы-консерватории "Шуламит" в Яффо был тогда ученик Леопольда Ауэра Моше-Дов Хопенко (1881-1949). Это он пригласил в Эрец-Исраэль и Михаила Гнесина и Йоэля Энгеля. Монолог Сары Зеира: "Сколько ему было тогда? 55-56? Как с очень слабым знанием языка найти себе применение на новом месте, в стране, которая только строится? Чем заняться? Я часто бывала его переводчицей. Да и музыка не требует слов".

Ей казалось, что я ее не понимаю. Сару отчего ж не понять, труднее было понять Энгеля. Подумать только: после потрясающей карьеры в России, обласканный вниманием таких корифеев, как Чайковский, Стасов, Танеев, Римский-Корсаков, проведя несколько лет в Берлине, в самом центре европейской культуры тех лет, возглавив там издательство "Юваль", Энгель, как

Жаботинский, как Трумпельдор, без громких слов о сионизме, решил, что он должен жить в Эрец-Исраэль. С таких высот спустившись...

Сара, будто подслушав мои мысли: "Энгель не стал разбирать партитуру тоски и ностальгии (как нередко вы это любите делать!), а просто стал работать. Начал с детей, стал преподавать им сольфеджио, написал для них много песен, успевал и ездить, и ходить по стране, по жаре, работал и в консерватории, и на семинаре Левинского, где я училась. Помню, как он вошел в класс... Глаза черные, как маслины. Волосы кудрявые, нет, кажется, надо сказать - курчавые, тоже черные, ну, чуть-чуть начал седеть. Мы удивились: только что из Европы, а уже как сабра, без галстука. Открытый ворот рубашки. Нет, он не был высоким, поджарый такой... Очень красивый. (И растягивая это слово, она произнесла: "фан-та-сти-ческая личность".) Все мы жили тогда на хлебе и маслах. Но мы выпитывали каждый звук, жест, слово учителя. Голод не мешал вдохновению - ни его, ни нашему. Мы летели на крыльях на занятия, а на хлеб уж каждый зарабатывал как мог. Потом Энгель сдружился с артистами театра "Охэль" и объехал с ними, вот такой, загорелый, курчавый, молодой, всю страну. Все время сочинял песни. Мой муж был очень впечатлен, услышав музыку Йоэля Энгеля к первому спектаклю театра "Охэль" - по рассказам Переца. Именно после премьеры этого спектакля Мордехай решил серьезно учиться музыке. Спектакль "Рыбаки", тоже с музыкой моего дорогого учителя, сам Энгель уже не успел посмотреть".

Не спросила ее тогда, где он жил. Пришлось искать самой, "где эта улица, где этот дом"? А он в двух минутах ходьбы от моря. Родился у Азовского моря, скончался у Средиземного. Вот и табличка: "Здесь жил Йоэль Энгель". А рядом с театром "Габима" есть улица его имени.

С 1945 года существует почетная музыкальная премия имени Йоэля Энгеля, установленная муниципалитетом Тель-Авива.

Лауреатов премии Энгеля много, некоторые награждены дважды, а композитор и музыковед Иоахим Стучевский (1891-1982) был награжден ею трижды...

Кто помнит песни Энгеля? Но если пропеть "Нуми-нуми, ялдати" или "Гешем-гешем ми-шамим" (первая - популярная колыбельная, вторая - о радости первого дождя) или напевы из спектакля "Диббук": "Мипнейма, мипнейма" - все, а взрослые почти без исклю-

чения, подхватывают. С радостью свидетельствую, что благодаря интернету сегодня можно не только почитать статьи и рецензии Энгеля, его переписку, воспоминания его дочери Ады (Ю.Д.Энгель, "Глазами современника", Москва, 1971), но и послушать его музыку... Его знают во всем музыкальном мире. Детский хор исполняет песню "Гешем-гешем" израильского композитора Энгеля. Где живут эти дети? В Армении... А вот и "Фрейлехс" Энгеля (Engel J. Freilechs, Op.20 No.2 for violin and piano), о котором только читали, а сегодня можно послушать и дома, и в дороге, - такие вот времена счастливые! И какие исполнители: Ингольф Турбан (скрипка) и Яша Немцов (фортепиано)! За три минуты вы испытаетеи рвущуюся из сердца радость, и рвущую сердце грусть...

Из газеты "Доар а-йом" за 13.2.1927:

"Вчера в 9 часов вечера скончался композитор Йоэль Энгель, 58 лет от роду. Три недели назад он очень сильно простудился. Его состояние внушало опасения, но постепенно он начал поправляться и готовился встать с постели. Но вчера неожиданно произошел разрыв сердца, и он скончался. Сегодня в доме покойного побывало очень много людей, его почитатели, учащиеся консерватории "Шуламит" и учительского семинара им. Левинского. С кончиной Йоэля Энгеля еврейский народ потерял "главного просветителя в области развития еврейской национальной музыки"... Его роль велика не только в области музыки, но и еврейской культуры в целом, потому что вокруг него сплотились, по его пути пошли такие композиторы, как Л.Саминский, И.Ахрон, Ш. Розовский, АрьеАвила, Мильнер, братья Крейн и другие. Но первым был Энгель, горячо веривший в будущее еврейской музыки, возможность синтеза современной и имеющей глубокие корни религиозной музыки. Поэтому он приехал в Эрец-Исраэль, учился говорить на иврите, чтобы на нем читать свои лекции студентам. Здесь он творил, здесь преподавал музыку, мечтал о больших свершениях. И вдруг (все жестокое приходит вот так - "вдруг") - смерть, и она оборвала его песню..."

Подписан этот пространственный и эмоциональный некролог одной буквой "Ш". Полагаю, что писал его коллега и друг профессор Давид Шор, которого в 1925-м Энгель встречал в Яффском порту. Шор еще вернется в Москву, а в 1927-м окончательно поселится в Тель-Авиве. Уход Энгеля был неожиданным и для его жены Антонины Константиновны Хейфец. Она отправила архив мужа в Москву, и вскоре уехала сама, посвятив себя заботам о творческом наследии Й.Энгеля. В Москве жили их дочери, Ада и Вера. Ада Рогинская (1901-1970), художница, иллюстратор детских книг, написала воспоминания об отце, они опубликованы. Мне кажется, домашние не разделяли ни его идей, ни устремлений. Но это другая тема. Яков Львович Сорокер приводит цитату из книги композитора и музыковеда И.Стучевского "Мой путь к еврейской музыке" (Вена, 1935, на нем. яз.): "Значение Энгеля для еврейской музыки - прежде всего в притягательной силе его идей. Он был не только музыкантом - он был евреем, борцом... В истории современной еврейской музыки, которую напишут наши потомки, ему обеспечено первое место".

ПРИЗНАНИЕ И ПРОБА РАЗМЫШЛЕНИЯ

Анатолий ДОБРОВИЧ

1.

Перед отъездом в Израиль я прожил в Советском Союзе 55 лет. И вынужден признать: я до сих пор "совок" - через почти тридцать лет. Мне больше по душе интернационализм, чем национализм. Другое дело, что под видом исполнения "интернационального долга" десятки тысяч солдат посылались на погибель за пределами СССР. Но я не уверен, что это неизбежный спутник интернационализма.

Мне нравится бесплатное образование, особенно высшее - это открывает равные возможности перед способными молодыми людьми независимо от их имущественного положения. Другое дело, что при этом существовали полугласные инструкции о процентной норме приема евреев в ведущие вузы, а планка для приема сексотов или нацкадров в советских республиках искусственно занижалась. Но я не уверен, что таково вообще неизбежное сопровождение бесплатного образования.

Мне также нравится бесплатная медицина. Я с 24-х лет начал работать врачом, и до сих пор задаюсь вопросом, по карману ли моему частному пациенту общепринятый гонорар (нередко я сокращаю его вдвое, и коллеги говорят, что раз мало беру, значит и врач я никудышный; так, видимо, полагают и некоторые пациенты). Но, по мне, все-таки лучше врачевная зарплата (достойная), чем раздуваемая цена медобслуживания. Другое дело, что разнообразное техническое оборудование при бесплатной медицине быстро устаревает, не обновляясь, а зарплаты медработников столь низки, что они - от профессора до санитарки - вынуждены "брат". Я, правда, не уверен, что только так все и должно происходить, когда медицина бесплатна.

Скажу больше. Всем понятна забота о завтрашнем дне, когда речь идет о себе и собственных детях. Но мне, совку, внушили, что следует думать о завтрашнем дне соотечественников. А также и прочих народов. Всего человечества. То есть, трудясь и испытывая лишения, утешаться тем, что общие потомки, благодаря нашим усилиям, будут жить лучше. Ну, не "при коммунизме", конечно - таким идиотом я не был даже в пионерском возрасте. Но некая идея "прогресса", ради которой стоит помучиться и потерпеть, в меня буквально вшита. А жизнь ради лишь добывания денег, власти, комфорта и возможности обладания самками/самцами представляется мне скорее бессмысленной. Заразили-таки меня идеологией "нового человека"! Другое дело, что ради грядущего "царства добра и справедливости" десятки миллионов людей были

расстреляны и погублены в лагерях, убиты в войнах. Но я все еще не уверился в том, что таков обязательный шлейф, сопутствующий гуманистическому идеализму. Есть же на свете идеалисты, спасающие людей и природу, не ставя никого к стенке!

Далее. Мне нравилось формальное отсутствие безработицы в СССР, пусть мнимая занятость сопровождалась нищенской зарплатой. По мне, это все же лучше, чем клошары под мостами и нищие на людных переходах. Другое дело, что административно-командное управление экономикой ведет к экономическому краху. Но можно же найти равновесие между частной инициативой и государственной заботой о человеке - вроде финнам или шведам удалось.

Скажу еще больше. Я уехал из СССР в Израиль в поисках родины, где я буду свой. В Союзе мне в лицо говорили, что я не свой. Но ведь сама идея, что человеку необходимо жить на родине, и это одна из высших ценностей жизни, - идея, внушавшаяся именно советской властью! Много ли эта идея стоит в век глобализации и всеобъемлющей компьютеризации? Если бы моя маленькая страна не была окружена люто ненавидящими ее соседями, национализм стал бы здесь не более чем причудой. Типа кому что нравится, кто чем тешится. Но я радуюсь экономическим и технологическим достижениям страны, зданиям, полям, садам и лесонасаждениям, мимо которых проезжаю. "Боже мой, - шепчу про себя, видя новый небоскреб, парк или развязку автострад. - И это при наших-то расходах на оборону". Словом, я националист. Хотя интернационализм мне больше по душе! О чем сказано выше.

Думаю, я похож на многих пожилых людей из СССР (потому и делюсь этим признанием). Подобные мне все еще пребывают в путях советской системы ценностей. А другую, новую систему - сформировать не сумели. Я смущен. В самом деле. Но не раздражайтесь, мы ведь скоро замолчим. Только скажите, а вы разве в восторге от шовинистических амбиций в многополярном мире, от платного образования и здравоохранения, от бездомных на скамьях в тени небоскребов? В восторге ли вы от свободы обладать колоссальной собственностью, но в то же время и от свободы быть застреленным психопатом? Достаточно ли, по-вашему, следовать заповедям религии, чтобы не потерять человеческий облик? И нужен ли он нам вообще, человеческий облик, или наш идеал - преуспевающий эгоцентризм?

Но, задаваясь подобными вопросами, вы, читатель, вряд ли поинтересуетесь мнением уходящих людей. Мы из рухнувшего (слава Богу!) полицейского государства. Мы понимали, что нас обманывают,

но цепенели от страха. А кто не цепенел, тот был стерт в лагерную пыль. Мы ничего не смогли сделать для победы в своей стране "социализма с человеческим лицом". Так что и наши собственные лица можно считать "человеческими" лишь с известными оговорками. Забудьте. Думайте наново.

Здесь напрашивалась точка. И многозначительная мина. Но вот я получаю очередное письмо от старого друга, живущего с США. И обязан продолжить.

2.

На мое понимание западных ценностей, американских в частности, влияют не только обескураживающие политические феномены (типа различных форм "положительной дискриминации" меньшинств или беспардонной травли Трампа якобы объективными СМИ). Суждения мои сложились под влиянием детективов и голливудской кинопродукции. Человек, делающий деньги, стал настолько привычной деталью пейзажа, что вопрос о том, как именно он их делает, представляется второстепенным. "Хорошие парни" настигают и обезвреживают "плохого", но понимают, что при известных обстоятельствах сами могли бы стать такими, как он. Роли аферистов, воров, развратниц, извращенцев, убийц часто поручаются первоклассным актерам, обреченным на зрительскую симпатию. Так что, будучи зрителем, вы торжествуете, когда полюбившийся вам персонаж выколачивает свою долю житейских благ с помощью пистолета или приема карате. Добавим ко всему этому плотоядные поцелуи и восторженные соития; голоса певцов, изборающие не столько душевное, сколько физическое состояние поющего; ажиотаж вокруг интимных тайн; привычность подглядывания в щелку; бесстыдное бахвальство и стремление любой ценой сорвать куш и затесаться в "высшие" слои общества... Картина скорее отталкивающая. Массовая кинопродукция создает впечатление, что, вообще говоря, "такова жизнь". Какова она на самом деле?

Два слова о друге, написавшем мне письмо: Давид Фрумин смолodu покинул провонявшие советско-украинским антисемитизмом Черновцы и отправился в Сибирь, где, не встречая препятствий по "пятой графе", вырос в крупного инженера и хозяйственника (чудесная, толковая еврейская голова; как же часто попадались нам подобные люди "из наших!"). Тем не менее примерно тогда же, когда я подался в Израиль, Давид с женой решили эмигрировать в Штаты. И не пожалели об этом. Сын их, унаследовавший ум и трудолюбие родителей, сделался профессором, живет в Москве и регулярно навещает стариков в Бостоне. Итак, Давид представляет не то чтобы обеспеченную, но и

не бедствующую прослойку американцев. Помимо таланта в точных науках, ему всегда были присущи качественный литературный слог и удовольствие от описывания прожитого. Вот и теперь он рассказывает о том, как семья провела часть лета. Приведу выдержки из его текста.

"Толя дорогой, я сегодня увидел в новом номере газеты твои стихи. Я очень рад, что ты еще творчески активен, и был бы рад получить от тебя твои сочинения. Посылаю тебе свои летние заметки.

2017 год, летом

Этим летом сын загодя арендовал большой дом в районе Беркшира на неделю, а на вторую неделю - дом в той же местности, но в другом городе. И 29 июля мы отправились "на природу". Беркшир - это предгорья Аппалачей, невысоких гор, похожих на Саяны, отроги которых мы могли видеть из окон нашего красноярского дома. Как и Саяны, эти горы покрыты густыми лесами, в основном хвойными, да и вообще вся местность там - сплошные леса, оживляемые быстрыми неглубокими речками и массой очень красивых озер. В начале XIX века сюда стали наезжать на лето нью-йоркские толстосумы. Они скупали большие участки земли, создавали обширные поместья и сооружали великолепные дома, где в летние месяцы шла бурная курортная жизнь с приемами, балами, концертами, в которых участвовали первейшие знаменитости.

Давно уже мультимиллионеры открыли для себя более фешенебельные курорты, но поместья и дома-дворцы остались, преобразившись в музеи и другие общественные здания. Беркшир не опустел. Наоборот, он стал известным и доступным местом отдыха множества представителей американского среднего класса, в основном из ближайших крупных городов - Нью-Йорка, Бостона. Первые европейские переселенцы в Беркшире большей частью были фермерами, но фермерские хозяйства в этой гористой лесной местности не выдерживали конкуренции с сельским хозяйством равнинного и степного Среднего Запада. В итоге многие фермы обанкротились и были проданы или просто подарены тем пользователям, кто мог приспособить их для других целей.

Мы приехали на одну из таких бывших ферм. Новым ее владельцем стал танцор, который покинул балетную сцену и решил организовать школу современного танца. Больших средств у него не было, поэтому он построил довольно примитивную танцевальную площадку на деревянном помосте. Созданная им школа танцев довольно быстро приобрела популярность. Сюда приезжают со всей Америки "курсанты", чтобы получить подготовку или повысить свое мастерство в современном танце. Ежегодно здесь проводится танцевальный фестиваль, собирающий много поклонников этого искусства. Летняя зрительная площадка сооружена на пологом склоне холма, откуда открывается изумительный вид на далекие зеленые горы.

Ровно через неделю, в субботу, мы пе-

Фото Д. Фрумина, Бостон

ребрались в город Грэйт-Барингтон, расположенный западнее. Но, как и прежде, поселились посреди леса, неподалеку от озера. А интересным было то, что дом оказался практически новым. Все в нем было новое: постели, посуда в кухне, оборудование, особенно кухонное - мы не сразу разобрались, для чего оно предназначено и как им пользоваться. Это относилось и к телевизору, который, помимо огромного экрана, отличался еще своим управлением, так что пришлось звонить хозяйке и консультироваться, что и как надо с ним делать.

Тут надо вспомнить об одной очень важной американской традиции. Огромное количество очень богатых американцев, не очень богатых и совсем не богатых еще со времен первых поселенцев отдавали и отдают часть своих доходов и состояний на то, что способствует общественному благу. Возможно, это идет от протестантской нравственной и религиозной идеологии, превозносящей взаимопомощь как великое благо (вспомним, что первые европейские поселенцы, да и вторые, и третьи были протестантами, бежавшими от религиозных притеснений из католической или англиканской Европы, и выжили в чужом, диком краю в значительной мере благодаря взаимопомощи). Но это замечательное свойство первых американцев стало доброй традицией, оказавшей существенное влияние на общественное и культурное развитие Соединенных Штатов. В каждом госпитале можно увидеть десятки помещений, которые носят имя благотворителей, на чьи средства они построены и оборудованы новейшей техникой, в каждой библиотеке, синагоге, церкви висят бронзовые доски с фамилиями основных спонсоров и рядовых жертвователей. Я уже не говорю о школах, колледжах, университетах, которым благотворители (чаще всего их бывшие выпускники) выделяют и оставляют в наследство колоссальные суммы денег. И то, что мы видели в Беркшире, не могло не вызывать нашего восхищения.

Это впечатление только усиливалось при посещениях музеев в том же городе - они ведь тоже не конфискованы государством, а переданы в дар городу бывшими владельцами этих поместий и художественных богатств. И вот невестка повезла

нас всех (она была главным водителем моей машины) в очень близко расположенный колледж Саймон-Рок. В начале прошлого века здесь располагалась богатая фермерская усадьба. Ее хозяйка отравила свою дочь после школы продолжить образование, позже она поселилась в Нью-Йорке и стала учительницей в школе, а со временем - успешным директором школы. Но родители старели, болели, им нужна была помощь, и их дочь распростилась с профессией и вернулась на ферму ухаживать за ними. Отец ее умер, и однажды мать сказала: "Дочка, я вижу, как ты страдаешь без любимой работы, - открой школу здесь, на нашей ферме. Дочь ответила, что сделала бы это с радостью, но для открытия школы нужны большие средства. И мать предложила ей взять деньги, которые они годами откладывали из доходов фермы. В общем, в 1929 году была открыта школа (в одном переоборудованном фермерском здании), где учились окрестные дети, потом школа стала хорошо известной качеством получаемого там образования и ученики стали приезжать издалека, так что пришлось строить интернат. А еще позже хозяйке школы пришла идея непрерывного образования, то есть создания колледжа, где выпускники школы могли бы продолжить учебу. Сейчас колледж Саймон-Рок широко известен и не только в Беркшире, конкурс для поступления туда высок, несмотря на высокую стоимость образования. И у него достаточно много спонсоров, помогающих развивать колледж, оснащать его современным оборудованием. Мы увидели целый комплекс строящихся коттеджей для преподавателей. И то, что стало для нас наиболее интересным, - прекрасный новый корпус, на фронтоне которого написано название - Институт международных исследований, и имя выпускника школы и колледжа, который на свои деньги построил здание и создал фонд для открытия и функционирования института в составе колледжа. К слову, вполне еврейское имя.

Недалеко от этих мест находится Тэнглвуд. Это не город и даже не село - так называется летняя площадка для выступлений Бостонского симфонического оркестра. На два летних месяца - июль и август - Бостонский симфонический, один из знаменитейших в мире оркестров, в

полном своем составе переезжает в Тэнглвуд и дает там свои концерты. Раньше на месте Тэнглвуда располагалось поместье и ферма с тем же названием. Ферма была богатая, но, в конце концов, последней ее владелице надоело возиться с хозяйством, расположенном в лесной глуши, и она решила его продать. Однако покупать за большие деньги пусть даже и доходную ферму в малолесном лесном краю желающих не нашлось, и хозяйка, большая любительница классической музыки, просто преподнесла свое хозяйство в дар обожаемому ею Бостонскому симфоническому оркестру. Это произошло в 30-е годы прошлого века, и еще какое-то время потребовалось администрации оркестра, чтобы сделать Тэнглвуд пригодной и удобной для проведения концертов площадкой. Понадобились весьма солидные деньги, но с помощью спонсоров они были собраны, и была создана основная необходимая инфраструктура. Сейчас летние концерты Бостонского симфонического и Тэнглвудский музыкальный фестиваль - значительное событие в музыкальной жизни не только Массачусетса, но и соседних штатов, граничащих с Беркширом. Многие любители классической музыки специально приезжают сюда на неделю, пару недель, а то и на весь сезон, чтобы послушать оркестр. На пологих, поросших травой склонах, прилегающих к залам, собираются (без преувеличения) десятки тысяч человек - это число слушателей можно оценить хотя бы по тому, что неподалеку сооружены три автомобильные стоянки на 20 тысяч автомобилей, да еще рядом с залами - стоянка на 1500 автомобилей для людей с ограниченными физическими возможностями. Слушатели и зрители приезжают семьями, компаниями, привозят с собой выпивку и закуски, располагаются на любом удобном месте или за столиками со скамейками. Для камерных концертов здесь построено отдельное большое деревянное здание, рассчитанное на две тысячи зрителей. Оно совсем недавнее - деньги на его сооружение дал японский музыкант Сэйдзи Озава, который там неоднократно гастролировал и был главным дирижером оркестра, поэтому интерьер зала несет на себе черты традиционной японской архитектуры и имеет раздвижную заднюю

стену, так что безбилетные слушатели (зрители), расположившись вольготно на травке, могут все слушать и видеть.

Наши места были довольно далеко от сцены, но если мы хотели увидеть какие-то детали исполнения, мы могли смотреть на огромный экран-телевизор, висящий поблизости от нас на достаточно большой высоте, чтобы не мешать видеть сцену, - один из многих экранов, развешанных вокруг. А с трех сторон от нас тысячи людей на зеленых склонах наслаждались музыкой, исполняемой замечательным музыкальным коллективом... Пожалуй, этот вечер стал достойным завершением нашего двухнедельного летнего отдыха".

3.

Не правда ли, дохнуло Америкой, которая не представлена в боевиках. Индивидуальная свобода стимулирует предприимчивость, увенчивающуюся порой поразительным успехом. Жизнь обеспеченного человека предполагает жертвование денег и бескорыстное дарение обжитых пространств. И это не исключительные случаи: забота об общественном благе нормативна. До меня по-настоящему дошло, что доверие, понимание и добрая воля в рамках протестантской этики - это не литературные мечтания (на русский лад), а инструменты социального взаимодействия. Инструменты реальные, необходимые - без них в Америке бизнес, скорее всего, развалится. Для совка это очень непривычно: трудно поверить. Как видим, порождением свободы оказывается не один лишь эгоцентризм, но и жизнь одухотворенная, осмысленная, поистине с "человеческим лицом". Дай нам Бог когда-нибудь достичь подобного в Израиле. Таблички с именами дарителей (чаще, впрочем, зарубежных) попадаются на каждом шагу и у нас. А вот бескорыстие, доверие, готовность дарить и оказывать помощь - типичные ли это черты нашего общества? Но разве протестантская этика не черпает свои смыслы из Пятикнижия, на котором основывается иудаизм? Что с нами происходит?

Как бы то ни было, Давид сдвинул с места мои взгляды, опутанные множеством предрассудков. Спасибо ему.

Ян ТОПОРОВСКИЙ

Когда-то в древности Юдифь
Главу отсекала Олоферну
И, поступив весьма примерно,
Пленительную создала миф...

А нынче времена зловещи:
Коммунистический пожар!
И старо-фудимские вещи
Юдифь относит на базар.

Эту эпиграмму сохранила память Давида Фудима - моего доброго знакомого, к сожалению, уже покинувшего этот мир. Восьмистишие посвящено его семье ("старо-фудимские вещи") и, в частности, тетке Юдифи. Строчки эти, написаны в 1918-1919 годах в Одессе. Автор - литератор Лев Коган. Больше ничего о Льве Рудольфовиче я в то время не знал. Однако так случилось, что в Израиле через некоторое время я познакомился с Александрой Львовной Парнес, дочерью Льва Когана. (Воистину пути Господни неисповедимы!) От нее и узнал историю жизни ее отца.

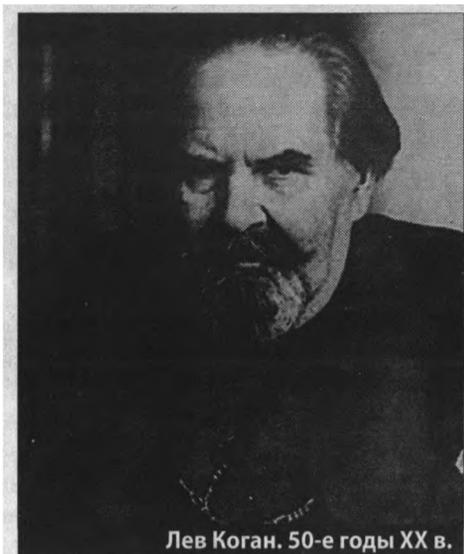
Свидетельство. "Дано отъ Одесскаго Городоваго Раввина за надлежащую подписью и печатью въ томъ, что по метрической книгѣ о родившихся еврейяхъ г. Одессы за 1885 годъ значитя под №674 мужской графы актъ следующаго содержания: тысяча восемьсотъ восемьдесятъ пятого года Мая 26 дня у инженера технолога Рудольфа Львовича Когана и жены Евгении родился сын, нареченный именемъ Левъ.

**Одесса Июня 7 дня 1885 года
за Одесскаго Городоваго Раввина
Старший помощникъ Раввина
Айхенвальд"**

Семейное предание. Дед Льва Когана, тоже Лев, - был очень состоятельным человеком. Женился на молодой и красивой девушке. И так дико ее ревновал, что предпочитал жить с ней безвыездно в поместье (или другом укромном краю) - подальше от городских ловеласов и опытных соблазнитель. За время супружеской жизни красавица-жена родила своему Льву 16 детей, из которых выжило восемь, а когда младшенькому был год-два - скончалась. Муж так тосковал, что вскоре отправился вслед за ней в мир иной. Несмотря на то, что умерший оставил большое наследство (были назначены опекуны), детям все равно ничего не досталось. Наследники пробивались в жизни как могли. Из восьми детей пра-пра-Льва Александре Львовне известно только о Рудольфе и Анне.

Обозримое прошлое. Рудольф Львович Коган был химиком (инженером-технологом), его родная сестра Анна Львовна вышла замуж за Семена Берга, и у них родился сын, которому дали имя Лев. Лев Семенович Берг впоследствии стал известным академиком - географом, натуралистом, создателем полемической - по отношению к дарвинизму - концепции номогенеза. А вот Рудольф Коган женился на Евгении Цыперович (Григорий Цыперович, родной брат Евгении подался в революционеры, был братом Лениным, соратником Ленина, написал книгу воспоминаний "За полярным кругом. 10 лет ссылки в

СУДЬБА ЛЬВА И ЗНАКИ ВСЕВЫШНЕГО

Лев Коган. 50-е годы XX в.

Колымске". Л., Госиздат, 1924).

Что касается Евгении, то она окончила Петербургскую консерваторию по классу фортепьяно, училась у Антона Рубинштейна. Дома у них висел портрет Рубинштейна, подаренный знаменитым музыкантом любимой ученице Евгении Цыперович.

У Рудольфа и Евгении родился мальчик, которого тоже назвали Львом в честь деда. Обезумевшего от любви, о которой гласило семейное предание.

Лев Коган-младший учился в одесской классической гимназии. Несмотря на то, что он был из состоятельной семьи, отец нанял мастера-переплетчика, который приходил к ним домой и учил маленького Льва своей профессии: глава семьи считал, что главное в жизни - иметь в руках ремесло на черный день. Забегая вперед, скажу, что вся библиотека, все книги профессора Льва Когана (во время блокады Ленинграда погибло 6500 томов) были переплетены его собственными руками.

В той же гимназии учился и Зеэв Жаботинский (о нем Лев Коган написал воспоминания), а также Корней Чуковский, которого выгнали из училища из-за его революционных настроений. Лев же окончил училище с золотой медалью, а затем перед ним встал выбор: математика или литература? - поскольку у него были способности к обоим предметам. Он выбрал историко-философский факультет Императорского Новороссийского университета (1902) и закончил оба отделения - историческое и философское - в один год (1908). Его дипломная работа "Мадам де Сталь и французский романтизм" была представлена на Серебряную медаль, но "Историко-Филологическая Испытательная Комиссия под руководством Действительного Статского Советника и Кавалера Э. фон Штерна" отметила работу еще более высокой оценкой - Золотой медалью.

Потом его, выпускника университета, пригласили в деканат, где сказали следующее: "Господин Коган, вы очень талантливый человек, и мы хотели бы оставить вас в университете, но для этого вы должны принять христианство". На что молодой человек от-

ветил: "Я в общем-то атеист. В Бога не верую. Ни в того, ни в другого. Но отступником никогда не буду". В деканате согласились: "Это ваше право!" После этого откровения ему ничего не оставалось, как устроиться учителем в первый класс одесского еврейского коммерческого училища. (Преподавателем он был творческим и придумал для детей необычную игру в слова.) Надо сказать, что должность директора в этом училище была выборная, и уже после года работы на эту должность избрали Льва Когана.

Любовь на всю жизнь. Однажды Лев Коган пришел к коллеге - даме, заведовавшей еврейской гимназией. И увидел там черноглазую девушку: большущие глаза настоящей, типичной южанки. "Что это за девушка?" - поинтересовался он. "Это моя сестра Эсфирь", - услышал он в ответ. В то время Эсфири (в быту - Ира) было 15 лет. Ему - 24. Но между ними сразу возникла любовь. Лев дождался ее четыре года - Эсфирь должна была закончить гимназию. В 1913 году они поженились. Хупу поставили в Московской синагоге.

Внешне они были прямой противоположностью друг другу: он - белолицый, сероглазый; она - смуглая, черноокая: он - единственный сын богатых родителей; она - одна из девяти детей бедной семьи; он - окончил университет; она - мечтала получить образование, но занималась в реальном училище, осваивая профессию беловейки. Отец сказал ей: "Я не могу оплачивать твою учебу. Если хочешь, зарабатывай на учебу сама". И она начала работать, давая уроки, помогала отстающим, а затем поступила в гимназию. В 1916 году у них родилась Рашель, в 1917-м - вторая дочь, Йохевет.

Они жили и работали в Одессе. Во времена революции Лев Коган вместе с Петром Павловичем Сазоновым и Владимиром Мюллером организовали театр Массовой драмы - МАССАДРАМ. Параллельно Лев и Эсфирь занимались ликвидацией безграмотности в частях Красной армии и на кораблях Черноморского флота. Лев Коган еще в студенческие годы был председателем общегородской одесской театральной комиссии. Можно предположить, что именно для МАССАДРАМА Лев Коган перевел с французского сочинение "Адвокат Патлэн" - старинную народную комедию в 3-х действиях. В архиве Александры Львовны, дочери Льва, сохранилось издание этой пьесы (Театропечать, 1929), с дарственной: "Дорогому Петру Павловичу Сазонову на добрую память от Л.Р.Когана. Детское Село. 5.XI-1929".

Между прочим, именно в "Адвокате Патлэне" содержится крылатая фраза "Вернемся к нашим баранам", и с легкой руки переводчика она закрепилась в русском языке.

Теперь о языках и переводах. Когда все одесситы повально увлекались итальянской оперой, Лев Коган изучил итальянский язык, а узнав, что в Голландии издана книга, в ко-

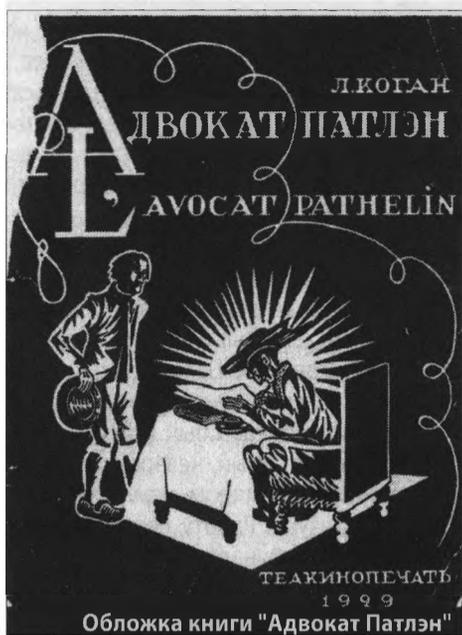
торой есть интересующий его материал, он эту книгу выписал, а пока она шла, за несколько месяцев научился читать по-голландски. По-французски он с малых лет говорил, как на родном языке. Этому его обучила мать - светская дама. Классическая гимназия дала знания латинского, греческого, немецкого...

Зигзаг судьбы. Революционные года в Одессе были безумными. Власть без конца менялась. И подобное обстоятельство будет вменено Когану в вину в период разоблачения "безродных космополитов" и "убийц в белых халатах". Но до той поры еще много воды (и крови!) утечет. И судьба не предвещала ничего подобного: по разнарядке наркомата просвещения Когана направили в Харьков для организации библиотечного дела, хотя это занятие было ему не по душе. Но именно оно вынужденно стало главным делом его жизни.

В 1927 году организатор Ленинградского библиотечного института и его первый директор Нетупская (подруга Надежды Крупской), которая знала товарища Когана только по его статьям на тему организации библиотечного дела и библиографии, предложила Льву Рудольфовичу возглавить кафедру литературы в ее институте. В том же году семья профессора Льва Когана - специалиста в области библиотечного дела, исследователя русской и европейской литературы XIX века, знатока истории театра - переехала в Ленинград.

В квартире Пушкина. Вначале сняли квартиру. Но смена южного климата на северный, ленинградский, сказалась на детях. И тогда Константин Федин, который страдал болезнью легких и знал под Ленинградом места с более мягким климатом, посоветовал Льву Когану снять квартиру в Пушкине (Детское село). Семья Льва Рудольфовича последовала этому совету и арендовала в этом городке нижний этаж одного из домов - четыре комнаты. Наверху жили другие люди. Но это было временное обиталище. Както в их квартире побывал новый знакомый (а в дальнейшем хороший друг), писатель Алексей Толстой, которому дом понравился, настолько, что при каждой встрече он уговаривал Льва Когана уступить ему эту квартиру. А так как Лев благоговел перед талантом этого человека, он согласился свой этаж Толстому уступить, и в 1930 году семья съехала с квартиры в какой-то полуподвал. Советский граф Толстой немедленно добился, чтобы для него освободили и второй этаж. Ныне на стене того дома висит мемориальная доска: "Здесь жил и работал Алексей Толстой".

В 1931 году горсовет предложил семье Коган поселиться в одной из пустующих пятикомнатных квартир. Оказалось, что это была квартира самого Александра Сергеевича Пушкина (дача Анны Китаевой, в которой жил Пушкин в 1831 году, ныне - Музей А.С.Пушкина). Трудно было, живя в этой квартире, не загореться желанием приступить к изучению творчества поэта, а вскоре у Когана возник и замысел написать о Пушкине роман. Как должно было называться это сочинение, неизвестно. Лев Коган никого в этот замысел не посвящал. Но домашние о нем знали. Знали, что он пишет, что благоговение

перед гением заставляет его сжигать написанное и вновь и вновь приступать к работе. И если какие-то странички сохранились (где искать остальные?!), то благодаря его жене Эсфири, которая буквально выхватывала из огня написанное. Роман о Пушкине так и не был написан, но идею осуществить удалось: материал лег в основу докторской диссертации, а звание кандидата наук (по совокупности публикаций) было присвоено ему еще в 1936 году. В квартире Пушкина, где Лев Коган прожил десять лет, с 1931-го по 1941-й, он написал докторскую. О поэте. Одним из оппонентов должна была стать Милица Васильевна Нечкина из Москвы (впоследствии академик), которой и послали на отзыв его работу. Но началась война.

Ленинград, Ессентуки, Баку и далее везде... Семью Коган вывезли из Пушкина буквально за несколько дней до того, как город заняли немцы. Профессор успел захватить с собой кое-какие книги с автографами писателей, свои рукописи и несколько узлов с вещами - для семьи. Старшая дочь Рахель, которая заканчивала мединститут, но не успела получить диплом, ушла добровольцем на фронт. Средняя, Йохевет, стала минером. Перед уходом ее на фронт, отец сказал ей: "У тебя же ребенок!" (к тому времени она успела выйти замуж, родить и развестись). На что комсомолка Йохевет Коган ответила: "Если вы не сможете воспитать моего ребенка, это сделает государство. Сдайте его в детский дом, а я иду защищать Родину". На фронте Йохевет была ранена и на всю жизнь осталась инвалидом.

Многие институты уже эвакуировались, в здании Библиотечного было пусто, но профессор Коган работал в подвале. Вся его семья поселилась в квартире Григория Цыперовича, известного каторжанина. К тому времени, правда, он уже умер. Это случилось в 1932 году. Целый траурный поезд отвозил тело Цыперовича для кремации в Москву, затем урну с прахом этот же состав транспортировал в Ленинград, где она и была захоронена на Марсовом поле. После Григория Цыперовича на Марсовом поле никого больше не хоронили.

В квартире, переданной Цыперовичам в пожизненное и бесплатное пользование, жила вдова каторжанина, маленький мальчик - приемный сын их приемного сына, а также родственная Цыперовичам семья

Лев Коган и его жена Эсфирь. 1913 г.

Коган. Некоторое время Лев Коган еще ходил на работу, держался, но потом слег. Эсфири, которая, по воспоминаниям дочери Александры, была "влюблена в него, как раба" (представьте, какая это была любовь, если для нее - девушки из еврейской семьи - дети были на втором месте, а на первом - Лев!), стоило неимоверных трудов выводить мужа в блокадном Ленинграде, и вывезти семью на Северный Кавказ, когда открылась Дорога жизни. Они попали в эшелон, который добирался до места назначения два месяца. И, наконец, прибыли в Ессентуки, где Лев поправился, а Эсфирь, напротив, слегла. Тогда ее и дочь Александру отправили в Грозный, где оказалась родная сестра Эсфири, - та самая, бывший директор одесской еврейской гимназии, что познакомила ее со Львом. А сам Лев остался работать в институте, представлявшем собой симбиоз Библиотечного и Второго педагогического имени Покровского. Но работа продлилась недолго. Во время заседания ученого совета вошли военные и сказали: "Немцы начали наступление, кто не хочет остаться у них - пожалуйста, идите пешком через горы - к Нальчику". Профессор Коган забегал домой, взял самое необходимое - и с рюкзачком ушел в горы. (Рукописи профессора остались в Ессентуках и, как он вспоминал, погибли во время войны.)

Но направился Лев Рудольфович не в Нальчик, а в Грозный, ибо считал, что в такое время семья должна быть вместе. Он пришел к семье и уже собрался устроиться на работу в тамошний педагогический институт, как объявили, что наступление немцев продолжается и старики, женщины и дети должны из Грозного эвакуироваться, ибо там будут взрывать нефтяные скважины. Потом, летом, был эшелон до Дербента и Баку, пароход до Красноводска, а затем - уже зимой - дачная электричка до Новосибирска: дорога заняла более двух месяцев.

В Новосибирске не было пединститута, зато там находилась Ленинградская филармония, куда Когана пригласил на работу Иван Иванович Соллертинский. Так профессор Коган стал чтецом, Он выступал с воспоминаниями, читал рассказ своего друга писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова "Спектакль в селе Огрызове". С этим рассказом он выступал 850 раз, и всякий раз публика хохотала до колик. Издав уже после войны, в 1946 году свою книгу, Вячеслав Шишков

посвятил "Спектакль в селе Огрызове" Льву Рафаиловичу Когану.

Затем была Алма-Ата - кафедра русской литературы в местном университете, лекции по литературе в высшей партшколе и возвращение домой. В Ленинград. С 1945 года он снова заведовал кафедрой русской литературы в Библиотечном институте, в котором организовал первый в СССР факультет детских и юношеских библиотек.

Возвращение в прошлое. Во время одной из командировок в Москву профессор Коган встретил академика Нечкину, которая сообщила ему, что у нее сохранилась его докторская диссертация, посвященная Пушкину, и она готова быть его оппонентом (ныне эта диссертация хранится в Петербургской публичной библиотеке, в шкафике под стеклом).

Дом в Пушкине остался цел, но был полностью разграблен. Погибла библиотека Льва Когана, которую начал собирать еще его отец. Одной из причин, по которой профессор не хотел возвращаться в разоренный фашистами дом, было его убеждение, что "на кладбище жить нельзя". Семья поселилась в общежитии Библиотечного института, где и жила до самой смерти Льва Когана.

В 1948 году одну из преподавательниц института, читавшую курс русской литературы начала XX века (символизм, акмеизм, футуризм) обвинили в пропаганде "чуждых идей". Профессор Коган за нее заступился. А через некоторое время в Библиотечном институте принялись искать "безродных космополитов" и им подобных. Подозрение, естественно, пало на еврея Когана. За него никто не заступился. Даже преподавательница, которую он взял под свою защиту, сказала больной и не пришла на собрание.

"В вашей анкете написано, что вы в 1917 году находились в Одессе?" - "Да, я был там". - "Чем вы занимались?" - "Работал" - "В то время как там менялась власть?" - "Менялась. Что ж делать?! Ведь детей надо учить". - "Нет. Так это оставлять нельзя!" - и Ленинградский райком партии направил запрос в одесские органы безопасности, и через некоторое время оттуда пришел неожиданный по тем временам ответ: "Лев Рудольфович Коган работал в частях по ликвидации безграмотности среди солдат и матросов, организовал МАССАДРАМ..." - боль-

Экслибрис Л.Когана

ше претензий к профессору Когану ни у кого не возникало. Но он считал, что не сможет далее оставаться в этом институте, и подал заявление о выходе на пенсию. Но ректор решил, что профессор боится не пройти по конкурсу: "Лев Рудольфович, я вам гарантирую, что вы пройдете!" В ответ профессор Коган сыронизировал: "Но как вы можете гарантировать это, если голосование - тайное?!" И ректор не нашел что ответить.

Последняя встреча. Семья так и продолжала жить на пятом этаже институтского общежития. (Но летом Коганы переезжали на дачу.) Правда, Лев Рудольфович уже не мог ходить - был болен и стар. Поэтому из соседней части приглашали солдат, которые пересаживали профессора на стул и сносили вниз, к машине.

В 1958 году в Ленинграде возле Русского музея установили памятник Пушкину работы скульптора Аникушина. Профессору Когану очень хотелось увидеть памятник своими глазами, он все время говорил об этом. Однажды домашние вызвали солдат, и те снесли профессора в машину. Лев Рудольфович наконец увидел памятник и был счастлив. А вот памятник поэту, установленный на въезде в Царское Село, он не любил.

26 июля 1959 года профессор Лев Рудольфович Коган ушел в небытие, и, как утверждала дочь Александра Львовна, все о нем забыли.

Знаки Всевышнего. Перед отъездом в Израиль Александра Львовна съездила в Пушкино, чтобы оформить различные справки, и там ее ждало удивительное открытие. Оказывается, Лев Рудольфович Коган с семьей все эти годы - считай, почти весь XX век - был прописан в квартире Александра Сергеевича Пушкина!

Интересно и то, что раньше дочери в Израиле оказался ее отец - Лев Коган. И вот каким образом: в архиве иерусалимца Давида Фудима сохранились два письма ее отца, датированные 1916 годом, и одно стихотворение от 1918 года, которые оказались в Израиле намного раньше Александры Львовны Парнес. И копии этих рукописных писем (с разрешения Фудима) были переданы мной Александры Львовне, как знак Всевышнего, который помнит о своих еврейских детях и собирает их, живущих ныне и живших когда-то в этом мире, на Земле обетованной.

Евгений ТАРНОПОЛЬСКИЙ

Года

Бабушка Года была худой маленькой старушкой с редкими волосами и тяжелым характером. По паспорту она называлась Голда Залмановна, но все звали ее Годой.

Она была прекрасной домохозяйкой и искусным кулинаром. Дом держался на ней. Она бегала по лестницам, бегала, а не ходила. Таскала тяжелые сумки с рынка, где умело и ожесточенно торговалась. Пенсию Годы не получала. Она всю жизнь была домохозяйкой.

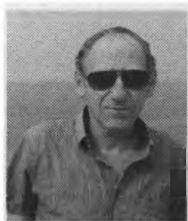
Семья состояла из собственно Годы, ее дочери Фаины и внука Левы. Внук учился в школе. Кормильцем семьи была дочь. Учительская зарплата и алименты рублей 25-27 - вот и весь бюджет. Иногда Фаина подрабатывала репетиторством, но это, понятно, тоже были не миллионы. Как удавалось Года на эти деньги кормить трех человек - загадка. Да что там кормить! Дочь и внук были прилично одеты и каждый год ездили в Крым.

Раньше, в молодости, Года и ее дети обитали в Мелитополе. Потом семья переехала в Харьков, где жили многочисленные родственники. Началась война, и многие из них погибли. Кто на фронте, кто в гетто, кого задушили газом, в том числе мужа Годы, Льва Шлелева. Практичный немецкий ум создал дешевое средство умерщвления - газваген. В народе это называлось "душегубка". Года с дочерью успели эвакуироваться. По окончании войны вернулись в Харьков.

Года готовила, стирала, мыла посуду, ходила за покупками, стояла в очередях. И не забывала этим попрекать своих близких чуть ли не ежедневно. Еще из нее как горох сыпались проклятия в адрес Левы: "Чтоб ты ноги переломал!", "Чтоб я тебя видела в последний раз!", "Холера на твою голову!" и т.п. Она, конечно, любила дочь и внука, но привычка к ругани была сильнее любви. У дочери было постоянное прозвище "мерзавка". Когда Лева играл в хоккей, Года тепло одевалась, выходила на балкон и внимательно следила за игрой. Если дети начинали "выяснять отношения", она хватала лыжную палку и пулей слетала по лестнице. С криками "Года идет!" дети разбегались. Вслед им летели страшные проклятия. Ее боялись.

Несмотря на внешнюю свирепость, у Годы случались проявления гуманности.

Он появился в районе в середине 60-х. Внешне этот человек резко отличался от обитателей близлежащих домов. Первое, что приходило в голову, - "иностранец". И он действительно был иностранцем. Правда, бывшим. Его предки переехали в Канаду в начале века из Галиции. Это называлось "трудова эмиграция". В доме не забывали язык и традиции украинского народа. Мальчик вырос в любви к своей далекой исторической родине. Похоронив родителей, добился советского гражданства и переехал на Украину. Семьи у него не было, и ему как-то выделили одну комнату в коммуналке.

ДВА РАССКАЗА

Говорил он на трех языках: английском, французском и украинском.

Позже на русском, так как Харьков был городом преимущественно русскоязычным. В той, канадской, жизни, он был шофером и автослесарем. На новом месте стал работать в такси. Через некоторое время объявил индивидуальную забастовку. Ему не нравились порядки в таксопарке. Он не понимал, почему должен давать полтинник охраннику за то, чтобы тот открыл ворота, почему надо было платить автомеханикам, которые за свой труд получали зарплату. После нескольких отчаянных попыток навести "порядок" его уволили.

Потом "канадец" спился, стал бездомным. Предпринимал ли он попытки вернуться в Канаду - неизвестно. Со временем окончательно скатился. Многие его жалели, дарили старые вещи, подкармливали. Иногда он получал пару рублей от автолюбителей. Несмотря на беспорядочное пьянство, мог диагностировать проблему по звуку мотора. И устранить ее практически бесплатно. Он всегда был где-то рядом. Года часто выносила ему еду, иногда что-то из вещей.

Однажды он исчез. Позже его тело нашли на чердаке. Года, услышав, как одна соседка говорит другой, что вот "канадец" сдох от пьянства - туда и дорога, сказала: "Не сдох, а погиб. И не от водки, а от нашей идиотской жизни. И он не "канадец". У него было имя. Его звали Степан".

Лева стеснялся бабушки. Она была типичной еврейкой, а в неокрепший детский ум было вбито, что еврейство лучше не афишировать. Однажды Лева, записываясь в детскую библиотеку, при заполнении анкеты указал отчество "Иванович". Библиотекарь встрепенулась и посмотрела на него так... Лев не был похож на славянина. Библиотекарь - тоже.

Позже, как бы в искупление, впал в другую крайность. Стал при любом удобном случае подчеркивать свою национальную принадлежность. Потом все пришло к золотой середине.

У Годы остались в живых несколько родственников. Лева слышал, как упоминали их имена. Муся, которая жила в Харбине, потом вернулась в СССР, и всю их семью расстреляли. Какой-то пламенный бандит-революционер по кличке Чалый, которого тоже расстреляли, но позже.

Реальными людьми, а не мифами, были несколько человек. Это дядя Аарон - брат Годы и жена Аарсна - Рива. Они жили в Крыму, приезжали в гости, и после их отъезда в доме потом долго пахло отборными крымскими фруктами.

Но самым запоминающимся персонажем была тетя Софа. С какого боку Софа была Года родственницей, Лева так и не понял. Года два-три раза в месяц ходила к ней в гости и тащила с собой Леву. Для ребенка это была пытка. Общались Года и

Софа на идише. Лева почти ничего не понимал.

Софа их кормила. Готовить она не умела - все было невкусно. После кулинарных изысков бабы Годы это была вообще не еда. Наговорившись и наевшись, Софа принималась за Леву. Первые слова всегда были: "А вот Мыша..." - и поехало.

Мыша (Миша) был внуком Софы. Она долго объясняла, какой Мыша вундеркинд и какое жалкое ничтожество Лева по сравнению с Мышей.

Когда Софа подавала на стол, то приказывала мыть руки. Над Софиным кухонным мойником была прибитая деревянная полка. А в центре - овал с изображением медведя, едущего в санях, запряженных двумя лошадками. Этот медведь олицетворял для Левы Мышу, и, моя руки, он представлял, как будет зверски мучить его, а заодно и Софу. Однажды он даже плюнул в медведя.

Впоследствии Мыша поступил в институт. Потом был суд, год условно плюс штраф по статье "организация азартных игр", исключение из института. Почему-то, узнав об этих событиях, Лева не испытывал злорадства. Совсем наоборот. Мыша стал Мишей.

Еще одна семья, связанная с Годой (а значит, и с Левой) родственными узами, вернулась в Союз, несколько лет проработав в Индии. Года с Левой пошли с визитом.

Им показывали всякие диковинки. А больше всего Лева понравилась авторучка. Он сам не заметил, как положил ее в карман. Отойдя совсем недалеко от дома, где они гостили, Лева не удержался и показал бабушке "трофей". Реакция Годы была неожиданно хладнокровной: "Сейчас мы вернемся, поднимешься к ним, а я подожду тебя у подъезда. Скажешь, что украл ручку, отдашь и пообещаешь никогда так больше не делать". Ребенок умолял бабушку пойти вместе с ним, плакал, но бабушка была непреклонна. Лева, сгорая со стыда, вернул украденную вещь.

Он вырос, женился и переехал с семьей в другой город. В 80 лет Года слегла. Перестала ходить, а потом и внятно разговаривать. А через два года умерла. Лев приехал на похороны и по дороге на кладбище почему-то вспомнил, как был в первый и последний раз с бабушкой в кино. И фильм вспомнил. "Барабаны судьбы" назывался. Полнометражный документальный фильм об Африке. Бабушке понравилось.

Теперь он еле сдерживал слезы. Почему вспомнилось именно это? Не объяснить.

История одной казни

Полковой разведчик старший лейтенант Зимин опрометчиво влюбился в медсестру полевого госпиталя Веру. А опрометчиво, потому что она была фронтальной женой замполита Лебедева. Что наша Вера в помятом пятидесятилетнем

комиссаре, непонятно. Скорее всего, на связь с ним она пошла не по своей воле.

Зимин вырос в семье коренных москвичей. Отец был художником-реставратором, мать домохозяйкой. После школы поступил в МГУ. Ушел на фронт с третьего курса. Воевал он честно и как бы даже весело. Много раз ходил за линию фронта. Не раз и не два участвовал в разведке боем, которую разведчики называли "разведкой смертью". Он был веселым, жизнерадостным человеком. Несмотря на войну, будущее рисовалось ему в розовых тонах.

Замполит Лебедев был полным антиподом Зимина. Серый, невзрачный человек с тяжелым взглядом, чем-то напоминающий грызуна. Работу свою он делал увлеченно - трибуналу скучать не давал. Если бы Лебедев убил столько немцев, сколько загубил невинных душ своих соотечественников, он давно бы уже был полным кавалером ордена Красной звезды. О его прошлом никто ничего не знал. Да и зачем?

Роман Зимина и Веры закончился быстро: Веру куда-то перевели, а Зимина отдали под трибунал. Приговор - расстрел. В ночь перед исполнением приговора Зимин не сомкнул глаз. "Скоро утро, - думал он, - последнее утро в моей жизни. Через несколько часов меня убьют. Зачем? Всею виной война". Не будь войны, он бы уже закончил образование и занимался любимым делом. Вера не была бы наложницей Лебедева, шантажирующего ее за несколько неосторожных слов, сказанных в его присутствии. У Зимина были бы дети, потом внуки. Никто бы не отдавал свои жизни. Лебедев, скорее всего, работал бы бухгалтером в каком-нибудь леспромхозе, развлекаясь на досуге клеязами на соседях. Все же меньше вреда. Люди всегда убивали друг друга, изобретая все новые, более эффективные орудия массового взаимоистребления. Пролитывали и продолжают проливать океаны человеческой крови. "Ради чего? - рассуждал Зимин. - И кто после этого есть человек? Разумное существо?"

Весь материал, собранный Лебедевым на лейтенанта, состоял из недоказуемых обвинений и вынужденных, малодушных оговоров. Вывели его на расстрел затемно - часа в четыре утра.

"Ну, вот и все, а мне только двадцать четыре", - подумал Зимин.

Расстрельный взвод уже прицелился, как вдруг во двор влетел штабной майор и приказал остановить казнь, показав какие-то бумаги офицеру, командовавшему взводом. Зимина увели в камеру.

Днем его допрашивал дознаватель из военной прокуратуры. Вопросы были какие-то расплывчатые, неконкретные. Записав ответы Зимина, ему дали расписаться под показаниями. С сержантом, сопровождавшим его, у Зимина были давние приятельские отношения, и тот сказал ему очень тихо, почти не размыкая губ: "Тебя все равно расстреляют. Беги".

- Как?

- Не знаю.

На допрос не вызывали уже несколько дней. Как-то утром Зимина и еще нескольких арестантов вывели убирать щебень от разрушенной стены. Особый от-

дел обживался на новом месте.

Арестант, работавший с ним в паре, предложил: "Бежим?"

Два охранника с автоматами стояли рядом, болтали.

- Твой - слева, - сказал Зимин.

Проходя мимо солдат они синхронно, резким движением выбросили камни из носилок в лица охране. Не дав опомниться, напали на них, отняли оружие, оглушили одного, застрелили другого и рванули к лесу. Форы у них было минут пятнадцать.

Остановились только тогда, когда почувствовали, что погони уже можно не бояться.

- Хорошо, что у них не было собак, а то бы нам не сбежать, - сказал Зимин.

- А что дальше? - спросил солдат.

- Будем продвигаться к железной дороге.

- Зачем?

- Отъехать отсюда подальше, а там как сложится.

Надежда на спасение переполняла сердце радостью.

Отдышавшись, они пошли к видневшейся невдалеке деревне. Риск, но что было делать? Надо было привести себя в порядок, раздобыть какую-нибудь одежду.

Да и голод уже давал о себе знать. Постучались в крайний дом. Вышел коренастый, загорелый, с непропорционально длинными руками мужчина.

- Кто вы? - спросил он неожиданно по-русски. Дальше беседа шла на смеси польского и русского языков. Они рассказали поляку правду - все как было.

Хозяин накормил, дал чистую одежду и рассказал, как выйти к железнодорожному полотну. Надо было торопиться. Вот-вот могла начаться облава. Их, конечно же, уже начали искать.

На прощание Зимин спросил поляка, зачем он им помогает.

Тот сказал, что как истинно верующий человек он против любой войны, и что люди должны выращивать хлеб, рожать детей и жить. Просто жить, а не убивать друг друга. А вы, такие молодые, и вас должны были убить... Живите.

И он их перекрестил.

Дорога шла лесом, что было для них подарком. На открытой местности их бы сразу заметили. А поляки далеко не все были пацифистами. Лес почти закончился, когда они услышали совсем рядом стук колес. Дождавшись темноты, перемахнули через насыпь и пошли параллельно рельсам, пока не заметили огни станции. Пропустив два состава, которые проехали станцию не останавливаясь, на полном ходу, вскочили в последний вагон третьего, который только начинал набирать ход после стоянки, и поехали в противоположную от фронта сторону. Что их ждало впереди, неизвестно. Но это была жизнь. Пусть и с непредсказуемым продолжением. Но жизнь!

Все это промчалось в мозгу Зимина в считанные секунды между командами: "Целься" и "Пли".

Потом была мгновенная, разрывающая тело боль - и все, дальше ничего не было.

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ БРАТЬЕВ-АКРОБАТОВ

Семен ГОЛЬДБЕРГ, Ашкелон

В этом году исполняется 120 лет со времени рождения живописца и скульптора Александра Тышлера. Ему, родившемуся в еврейской семье в небольшом украинском городке Мелитополе, посвящена публикация в январском нынешнего года выпуске "Еврейского камертона". Об этом - материал Изабеллы Погодиной "Ее отец - великий Тышлер".

По прочтении этой публикации вспомнилось мне давняя история, связанная уже не с дочерью Александра Григорьевича, а с его племянниками, сыновьями его трагически погибшего брата Виктора, в своем роде замечательными людьми.

Итак, пятидесятые годы прошлого столетия.

Тогда, "на заре моей туманной юности", занимался я в коллективе художественной самодеятельности Дворца культуры металлургического завода "Азовсталь" в южном украинском городе Мариуполе. Была там и спортивная секция. В ней занимались и четыре брата-акробата: Анатолий, Александр, Виктор и Владимир. Довольно часто мы все вместе выступали в концертах самодеятельности для азовстальцев и горожан. Перед выступлениями, ожидая за кулисами выхода на сцену, мы с этими ребятами-спортсменами о чем-то разговаривали, перебрисывались несколькими фразами вроде "Как дела?" и "Каковы успехи?" Когда доводилось мне вести концерты, я так и объявлял их номер программы: "Выступают акробаты братья Тышлер!" Небольшого роста, ловкие, смелые, выступали они очень хорошо, показывали отличную акробатику.

Объявляя в концертах их выступления или, скажем, танцевального дуэта в составе Михаила Туха и Михаила Зеликмана, как-то не очень задумывался я тогда по молодости лет о том, какие у этих ребят, как и у меня, не совсем обычные для слуха, не русские и не украинские фамилии, кто они, эти ребята, каково их, да и мое происхождение.

Со временем жизнь на многое, конечно, открыла глаза и многому научила, в том числе и этому, преподав уроки "интернационального воспитания" и "сталинской дружбы народов".

Через какое-то время ушел я на срочную армейскую службу, после нее с теми ребятами-акробатами встречаться больше не пришлось и, как говорится, потерял я их из виду.

Через много лет напомнил о них добрый знакомый инженер-конструктор объединения "Азовмаш" Юрий Николаевич Дзюман-Грек.

"Хочу рассказать, - писал он мне в редакцию городской газеты, где я работал, - об уникальной четверке братьев-акробатов. Это, вероятно, единственный случай, когда четыре брата стали чемпионами СССР (в 50-е годы). Причем они не псевдобратья, как бывает в цирковых программах, а самые настоящие родные братья из одной семьи: Анатолий, Александр, Виктор и Владимир (двое последних - близнецы)".

Но главное, подчеркивал в письме Юрий Николаевич, что они сами сделали себя на-

Братья Тышлер (слева направо) Александр, Анатолий, Владимир и Виктор.

стоящими людьми и чемпионами страны. Он же и подсказал, кто может сообщить о них подробнее - вдова одного из братьев - Александра, она живет в Мариуполе, зовут ее Галина Михайловна.

Быстро разузнал ее адрес и поспешил на улицу Артема, где в одном из домов жила она, встретился с ней, и она рассказала, что знала.

Так с помощью Юрия Николаевича и Галины Михайловны удалось узнать о судьбе братьев Тышлер.

Родом они из Мариуполя. Анатолий родился в 1931 году, Александр - в 1933-м, а близнецы Виктор и Владимир - в 1937-м. В захваченном в 1941 году Мариуполе вместе со многими жителями евреями гитлеровцы расстреляли отца ребят - Виктора Григорьевича Тышлера. Старшему мальчонке было тогда всего десять лет, а младшие - совсем крохи. Их мать Мария Парфентьевна, по национальности гречанка, прятала детей от расстрела у родственников в окрестных приазовских греческих селах. И спасла, сберегла их. Можно только представить, каково было ей, разнорабочей овощной базы, прокормить и растить четырех ребят в голодные военные и послевоенные годы.

При той скудной кормежке, вспоминал знавший их Ю.Н.Дзюман-Грек, эти ребята росли субтильными, но любили гимнастические и силовые упражнения. В раннем детстве научились ходить на руках, держать стойку на одной руке, выполнять "фляки" и другие акробатические упражнения без лонжи и, конечно, освоили оставшуюся отцовскую гирию. Старшие приобщали к этому младших, участвовали в этих забавах и жившие по соседству ребята - будущие коллеги по спорту.

После войны ребята Тышлер учились в мариупольской мужской школе №4 и занимались в спортивной акробатической секции Дворца культуры "Азовстали" у своего наставника Михаила Бугакова, выступали перед горожанами.

Окончена школа, и Анатолий, старший, поступает в Киевский институт физкультуры. Закончив обучение в школе фабрично-заводского обучения (ФЗО), Александр стал работать на "Азовстали". А вот уж когда младшие братья-близнецы Виктор и Владимир окончили десятый класс, они вместе с Александром тоже поступили в Киевский институт физкультуры, где уже учился старший брат Анатолий. Во время учебы в вузе продолжали заниматься акробатикой. То была уникальная в своем роде четверка братьев-акробатов.

Тогда это был, скорее всего, единственный случай, когда четыре родных брата, из одной семьи, все вместе и сразу, одновременно всей четверкой, благодаря целеустремленным усилиям, став мастерами спорта, в 1955 году завоевали звание чемпионов Украины, а через два года, в 1957-м, стали чемпионами Советского Союза по акробатике.

В последующем они подтвердили титул чемпионов, снова завоевали золотые медали. Высокие спортивные успехи были отмечены присвоением каждому из них звания заслуженного мастера спорта СССР.

Рассказывая о муже и его братьях, Галина Михайловна, в частности, упомянула, что, бывая в Москве на соревнованиях, братья непременно навещали жившего в столице их дядю, брата отца, известного художника.

Брат отца - известный живописец? Мгновенно сопоставляю фамилии и... уж не знаменитый ли это театральный художник Александр Тышлер, мастер мировой известности?

Да, так оно и оказалось в действительности.

Что касается ребят-акробатов, то после окончания института Анатолий, старший, остался в вузе преподавать на кафедре гимнастики. Там же, в Киеве, тренерами работами Виктор и Владимир. Вместе с Анатолием они продолжали участвовать в соревнованиях акробатов, в том числе и международных состязаниях. Александр же после окончания вуза возвратился в Мариуполь, в родном городе работал тренером по акробатике в спортивном клубе "Азов", затем руководил этим клубом. За успехи в развитии физкультуры и спорта награжден в 1971 году медалью "За трудовое отличие". Увы, так случилось, что в 1991 году Александр Викторович умер.

Самый старший брат Анатолий Викторович защитил диссертацию и стал кандидатом наук, доцентом Киевского института физкультуры. Подошло время - вышел на пенсию. Брат Владимир трудился в школе тренеров, а Виктор вел занятия по акробатике в киевском цирке.

Такова судьба хороших мариупольских ребят, спортсменов-акробатов Тышлер, чьи дед и прадеды были столетниками-краснодеревщиками, отсюда и их фамилия на идиш - столляр. А вот эти братья, происходившие из большой еврейской семьи, трудом и упорством добились высот в спорте, стали неоднократно чемпионами страны, заслуженными мастерами спорта СССР.

"НЕ ВЫЙДЕМ НИКОГДА ИЗ ХОЛОКОСТА"

Народ мой! Как поэма, ты един,
Где многие, увы, трагичны строфы...
Нас обжигает, знаю, не хамсин,
А неостывший пепел Катастрофы.
В лицо нам печи дышат столько лет,
И этот жар выдерживать непросто...
Да, из Египта вышли мы, но нет,
Не выйдем никогда из Холокоста!

Слово Шоа (Холокост, Катастрофа) означает уничтожение огнем. Оно стало синонимом безвинной гибели шести миллионов евреев и разрушения мира еврейских местечек в годы Второй мировой войны. День памяти жертв беспримерной в истории человечества трагедии, героизма и мужества борцов гетто - Йом а-Шоа отмечается в Израиле, согласно резолюции кнессета, в 27-й день еврейского месяца нисан, когда началось легендарное восстание в Варшавском гетто. Ныне с той поры исполнилось 75 лет. Все меньше остается с нами свидетелей Катастрофы европейского еврейства, и все более актуальным становится вопрос о дальнейшем сохранении исторической памяти. Если мы начнем забывать об ужасах Холокоста, они могут повториться снова. Невольно вспомнятся поэтические строки Михаила Кульчицкого: "Самое страшное в мире - это быть успокоенным". В национальный день траура наш народ не только скорбит о шести миллионах жертвах Холокоста. Мы вспоминаем о духовном сопротивлении наших собратьев, бросивших вызов бесчеловечным условиям, в которые они были поставлены, и сохранивших свою веру, религию, нравственность и человечность. Многие, по сохранившимся свидетельствам, встречали свою смерть словами: "Шма Исраэль", освящая Имя Творца. Дань отдается и физическому сопротивлению евреев, восставших

против нацистов всюду, где это было возможно, принимавших участие в деятельности подполья, доблестно сражавшихся в партизанских отрядах и в армиях союзных войск.

Передают новым поколениям эстафету нетленной памяти мемориалы и музеи Катастрофы, действующие во многих странах. А еще свою лепту в это важное и благородное дело вносят литераторы и, в частности, поэты. Поэтическая летопись Холокоста, начинавшаяся уже тогда, когда трагедия еврейского народа только разгоралась, продолжается и в наши дни. Мы предлагаем вниманию читателей тематическую подборку стихов, написанных авторами из разных стран, с разных континентов. Произведения эти - призыв: помнить о страшном прошлом во имя настоящего и будущего. И в первую очередь, касается это нашего народа, заслужившего за века ко многому обязывающую репутацию Народа Памяти, которую мы обязаны подтверждать - снова и снова, каждый день и час.

Татьяна Вольтская, Россия

Ах, скажите, скажите скорее,
Где поляки, ваши евреи?
Где торгуют они, где бредут,
Лечат, учат, флиртуют, стареют,
Проезжают в автомобиле?
Почему вы их всех убили?

Ах, скажите, скажите скорее,
Где литовцы, ваши евреи?
Где такие ж, как вы, крестьяне -
Те, кого вы толкали к яме,
А кто прятался на сеновале -
Тех лопатами добивали.
Между сосен, янтарных кочек
Не положите им цветочек?

Ах, скажите, скажите скорее,

Где, французы, ваши евреи? -
Адвокаты, врачи, кокетки,
Дети с вашей лестничной клетки,
Те, которых вы увозили
Ранним утром - не в магазины -
К черным трубам, стоявшим дыбом,
Чтоб соседи взлетели - дымом.
Ах, скажите, скажите скорее,
Где, голландцы, ваши евреи?
Часовщик, поправляющий время,
И кондитер, испачканный в креме,
Где рембрандтовские менялы?
На кого вы их променяли?
Почему вы их выдавали?
Почему вы их убивали?

Ах, скажите, скажите скорее,
Где, британцы, ваши евреи,
Те, кому вы не отперли двери?
Пепел их - на земле, в траве и
В вашем сердце, что всех правее.
Ах, беспечные европейцы,
Эти желтые звезды, пейсы,
Полосатых призраков стаи
В вашем зеркале не растаяли.
По ночам в еврейском квартале
Ветерок шелестит картавый.
Как вам дышится? Как вам спится?
Не тошнит ли вашу волчицу
С бронзовеющими сосцами?
Подсказать? Или лучше сами?

Лиана Алавердова, США

Корчак (фрагмент)

Не стройно, не в ногу,
не так, как солдаты,
по улице в небо
уходят ребята.
Еще не нассорившись,
не наигравшись,
уходят на небо
по Химмельфартштрассе.
Колышутся в поле
цветы и былинки,
но в небо нас требует
кто-то с Треблинки.
Глаза без слезинки,
а руки без хлеба...
Уходим, уходим
по улице в небо.
Ведь кто-то упорно
зовет нас на небо.
Нас всех и еще
грустноглазого ребе...

Давид Гарбар, Германия

Яд ва-Шем, Долина общин

Я брожу по этому ущелью,
И не знаю - вечность или час.
Никого, лишь надписи и щели
Страшной тенью окружают нас.
Вот местечко, где родилась мама,
Вот местечко - родина отца.
Нет местечек, - только кровь и ямы,
Ужас без начала и конца.
Я бреду по этому ущелью.
Скорбный путь. И нет ему конца.

Шесть миллионов в этой страшной щели.
И бетон. И не укрыть лица.

Груня Кон, Канада

Дикая трава

Дикая трава! Пустое поле!
Неба свод прозрачен и высок.
Здесь безмолвно всё кричит от боли,
Каждой травки тонкий стебелёк.
Здесь одна огромная могила, -
Холокоста тяжкая беда, -
Только травы знают, как всё было,
Кто здесь похоронен и когда.
Чьи лежат здесь мамы, папы, дети.
Их вина лишь - идишская речь!
Люди всей земли, вы все в ответе:
Не смогли их жизни уберечь.
Деточки! Вы путь прошли кровавый.
Милые! Вы так хотели жить!
Реки крови протекли, и травы
Гуще поднялись, чтоб вас укрыть.
Как прекрасны были ваши лица.
В чём и перед кем была вина,
Что растёт трава через глазницы,
И над вами мрак и тишина.
На земле вас нет - и всё иначе,
Ветра в поле траурный напев.
Не дожди идут, а небо плачет,
Не грома гремят - грохочет гнев.
Воют жалко плакальщицы-вьюги
Долгою холодной зимой.
Здесь мои друзья, мои подруги,
Но не слышен слабый голос мой.
Покрывает скорбную вуалью
Их земля накидкой травяной.
Не затянет временною далью,
Не осилит памяти большой.
Память не померкла, не остыла,
Будто всё исполнилось вчера.
Безымянные братские могилы,
И над ними шелестят ветра.
Не должно такое кануть в небыль,
И не раствориться в пустоте.
Тянутся травинки-души в небо
Хрупкими ручонками детей.
Дикая трава! Пустое поле!

Пер. с языка идиш Исаака Рукшина

Виолетта Пальчинскайте, Литва

Ботинки

Зеленые туфельки, черные боты,
Ботинки искусной и грубой работы,
Ботинки любого размера и цвета,
Ботинки из тюрем,
Ботинки из гетто,
Ботинки танцоров,
Портных и ученых,
На голод и муки,
На смерть обреченных.
Ботинки сожженных,
Задушенных газом.
Горою лежат...
Не охватишь их глазом.
Им снятся еще в полумраке дороги.
Им снятся босые и крепкие ноги.
Им снятся подъемы,
И спуски,
И пляски...
Над ними плывут облака без опаски,
Летят журавли и висят паутинки...
Ботинки, ботинки, ботинки, ботинки.
Пер. с литовского Григория Кановича